

АНОМАЛИССИЯ

СНЕГ И ПЕПЕЛ

КАРИНА ШАРОНОВА

Карина Шаронова

Аномалиссия. Снег и пепел

«Автор»

2026

Шаронова К.

Аномалиссия. Снег и пепел / К. Шаронова — «Автор», 2026

Катя знала: чтобы спасти семью, нужно попасть за неприступные стены города. Шанс выпадает, когда она спасает того, кого должна презирать — и заставляет его стать своим пропуском в закрытый рай. Теперь она в самом сердце вражеской территории. Он — Ариан («Снег»): холодный аристократ, привыкший, что чувства подавлены порядком. Для него она — лишь «дикарка», которую нужно приручить. Она — Катя («Пепел»): дикарка из внешнего мира, чья жизнь была сожжена горожанами до основания. Для неё он — лишь удобное средство достижения цели. Среди интриг и тайн Кате придется вести двойную игру, где один неверный шаг стоит жизни. Но что произойдет, когда холодный расчет столкнется с запретными чувствами? Растопит ли она его лед или сама станет лишь горстью пепла у его ног? В книге вас ждут:— Опасная игра на чужой территории— От ненависти до любви: история двух стихий— Столкновение технологий и магии аномалий

© Шаронова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Маленькая девочка	7
Глава 2 Незнакомец	11
Глава 3 Хрустальный город	19
Глава 4 Лаборатории	30
Глава 5 Побег	38
Глава 6 Сверхъестественное	43
Глава 7 Происхождение	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Карина Шаронова

Аномалиссия. Снег и пепел

Пролог

Ветер с севера разогнал тяжёлые тучи, обнажив колючие россыпи звёзд.

Антон замер на вышке, вдыхая морозный воздух. В чёрной униформе он казался частью ночи, неподвижной тенью на фоне металла. Впереди расстилалась пустота, тихая и обманчивая. После прошлой стычки с дикарями внутри поселилась тревога. Тогда их едва удалось вернуть — приказы сверху были однозначны: «низших» не трогать. Каждый из них считался ценным образцом для Проекта.

«Лишь бы не полезли снова, — подумал Антон. — Я ведь доходчиво объяснил, что ворота закрыты для всех».

— Антон! — гулкий голос снизу разрезал тишину.

Он перегнулся через перила. Внизу маячил силуэт коллеги.

— Похоже, дикари сегодня спят? — спросил Лёха.

— Похоже на то, — отозвался Антон.

— Спускайся, есть дело.

Антон не стал возиться с лестницей. Перемахнув через ограждение, он мягко приземлился в глубокий снег, едва качнув плечами.

— Не тратил бы ты потенциал попусту, Тоха, — проворчал Лёха, глядя, как тот отряхивает штанины.

— Да я их и без способностей раскидаю, если сунутся, — Антон коротко хохотнул и изобразил непристойный жест в сторону леса.

— А если аномалии? — Лёха понизил голос.

Хохот оборвался. Оба синхронно повернулись на восток, где непроглядным пятном чернел дикий лес.

— Приборы покажут, — Антон коснулся пальцем матового чёрного браслета на запястье.

— Я бы не был так уверен. Ты тут недавно, многого не видел. Бывало, датчики молчат, а потом...

— Хватит, — отрезал Антон.

— Ладно, остынь, — Лёха примирительно хлопнул его по плечу. — Я чего звал: у жены в понедельник день рождения, подменишь?

— Без проблем.

— Выручил! Я в долгу.

Антон хотел ответить, что готов брать любые дежурства, лишь бы не сидеть в казармах, но внезапно осекся. Цепкий взгляд уловил движение у основания стены. Тень среди теней.

— Что там? — Лёха мгновенно подобрался, рука легла на рукоять парализатора.

— Эй! Кто здесь? — крикнул Антон, вскидывая ружьё. — Выходи с поднятыми руками!

Из мглы, точно соткавшись из инея, вынырнул старик. На нём был лишь белый балахон, совершенно нелепый для такого мороза. Седые волосы стояли дыбом, а глаза горели лихорадочным блеском.

— Кто такой? — Антон сделал шаг вперёд, держа мушку на груди незнакомца.

Старик замер, а в следующую секунду с поразительной прытью бросился на стражника.

— Не стреляй! — выкрикнул Лёха, боясь задеть своего.

Но Антон и так не нажал бы на курок. Тело вдруг налилось свинцом, мышцы онемели, отказываясь подчиняться воле. Старик вцепился в его рукав ледяными пальцами и указал на восток:

— Они там! Они управляют аномалиями! Древние, со дна! Они мстят! Их нужно остановить!

Безумец тряс Антона с невероятной силой, брызгая слюной. Оцепенение спало так же внезапно, как и появилось. Едва вернув контроль над пальцем, Антон выстрелил в упор.

Треск разряда. Старик замер. Его бесцветные глаза на миг прояснились, а затем тело рассыпалось мириадами огненных искр, бесследно растаяв в воздухе.

— Какого... — Лёха попятился. — Куда он делся? Телепортация?

Антон не ответил. Он смотрел на горизонт. Там, над верхушками деревьев, полыхнуло алым. Мерцающая красная дымка, похожая на живой туман, с бешеной скоростью неслась в их сторону, пожирая лес.

— Бежим! К куполу! — заорал Лёха.

Они неслись к воротам, чувствуя спиной жар наступающей гибели. И уже там, за прозрачной и надёжной преградой городского щита, глядя на бушующую снаружи красную смерть, каждый из них подумал об одном: как там, внизу, выживают дикари?

Глава 1 Маленькая девочка

Солнце приблизилось к горизонту. Снежный пейзаж и хрустальные башни города вдаль заблестели в лучах оранжево-малинового заката. В этот час природа застыла в тишине, ожидая наступления ночи. Все звуки смолкли, и в студёном воздухе раздавался лишь треск деревьев. Температура опускалась. Морозы свирепствовали уже несколько дней, откладывая приход весны, которая, согласно календарю, уже давно началась.

Невзирая на холод, Катя каждый вечер выходила ко двору и смотрела через бескрайнее заснеженное поле на стеклянную зеленоватую «грядку». Где-то там, в одной из тех башен, держали её брата и родителей.

Тяжёлый вздох вырвался сам собой облачком пара. Маленькое сердечко опять заныло от тоски. Воспоминания о недавнем несчастье не давали покоя.

Пару месяцев назад из хрустального города нагрянули люди. Они неистовыми бандитами ворвались в дом, схватили папу с мамой и увезли на рычащих чёрных машинах.

В посёлке все говорили, что родители не вернутся. Утверждали, что надеяться и ждать их бесполезно. Из города никто не возвращался. Включая брата Кати, Гошу. Его тоже забрали год назад.

Похищения случались нечасто, и в основном воровали одного члена семьи. Никто и не думал, что Сильвестровых враг навестит дважды, особенно этого не ожидала маленькая Катя.

Девочке быстро пришлось повзрослеть. Кучка немногочисленных игрушек много времени не покидала свою коробку в углу. Единственной забавой осталось рисование. На всех рисунках красовалась чудесная воительница, запечатлённая в сражении с безликими врагами в чёрных доспехах. Иногда Катя вырезала героев из бумаги, а потом рвала и тыкала гвоздём злодеев, раскрашенных углём. Но больше всего доставалось картонной фигурке Владмория, правителю страны. Катя изображала его в короне и королевской мантии, подсмотренных со страниц старых книг. Одни говорили, что Владморий прекрасен, другие описывали шрамы и бородавки на его лице, а Кате он представлялся злым Кощеем, как в сказке.

В посёлке о правителе судачили разное. Делились историями о его кровожадности. Люди знали, что это он разрешил и узаконил охоту на жителей посёлка.

Катя снова вздохнула и потопталась на месте. Ножки в худых валеночках начали замерзать.

На башнях города моргали огни. Они манили Катю своим светом.

— Всё глядишь туда, — раздался хриловатый голос совсем рядом.

Девочка обернулась. Дед Кузьма, добрый сосед их семьи, стоял, облокотившись о плетень. Когда родителей Кати похитили, он единственный, кто помог ей. Остальные соседи, куда более сильные и крепкие люди, нежели тщедушный дед Кузьма, попрятались по своим избушкам, точно трусливые зайцы. Хотя, все в посёлке состояли в одной общине и обязались помогать друг другу.

— Гляжу, — кратко ответила Катя.

Старый плетень под локтями старика тихонько скрипнул, клочки снежной пелены упали с прутьев.

— Пойдём в дом, Катенька. Простудишься! — позвал дед.

— Дедушка, дай, пожалуйста, мне ещё маленько тут постоять, — заканючила Катя. Облачка пара от её дыхания участились.

Дед Кузьма прищурился, отчего морщины на его лице стали глубже. Невыносимая грусть накатывала каждый раз при виде печали на детском лице. Эта девочка отказывалась верить в то, что она осталась без семьи и не расставалась с надеждой о её возвращении. Да и не хотелось деду Кузьме рушить эту надежду, ведь тогда Катеньке может стать совсем худо.

— Дедушка, а знаешь что? — вдруг встрепенулась Катя.

— Что, моя хорошая? — поинтересовался дед.

— Когда я вырасту, я пойду в тот город и найду там маму с папой и Гошу! — звонким голоском произнесла она.

— Глупенькая, — с печалью улыбнулся дед Кузьма. — Туда нет дороги!

— Как это нет? — удивилась Катя, и детские бровки встали домиком. — Горожане сюда приезжают, значит, есть дорога!

— Я не это хотел сказать, — покачал головой старик. — Дорога-то есть, но пройти её нельзя! Только горожане могут! Там охрана. Стража кругом. Никого не пускают. Никакие уговоры не помогают. Наши-то вон, пробовали! И что? Вернулись все побитые.

Катя округлила глаза и поджала губы.

Лёгкий ветерок дохнул в лицо, от чего щёки защипало.

Она снова посмотрела вдаль на город. Он зловеще сверкал весь в огне заката.

— А вот у меня получится туда попасть! — воскликнула Катенька после непродолжительного молчания. — Когда я стану взрослой, я пройду так, что меня не заметят! Я придумаю как! А ещё я убью Владмория, и людей больше не будут похищать!..

— К тому времени правитель, может, и сам помрёт от старости, и не нужно будет никого убивать. Да, ты подрасти сначала, а там видно будет, — сказал дед, качнув головой. Он ни за что не позволит этой девочке совершить такую глупость, да она и сама вырастет и всё поймёт. А пока дед просто не хотел огорчать и без того грустного ребёнка.

— Ну, да, — согласилась Катя. — Я вырасту и стану быстрой, сильной...

— Сила и скорость тут ни при чём, — возразил дедушка Кузьма, посмотрев вдаль.

— А что при чём? — спросила Катенька, и её глазки-угольки загорелись любопытством. Но дед, казалось, не услышал вопроса. Он уставился куда-то вдаль.

— Дедушка! — крикнула Катя. — Ответь!

— А? — заморгал старик рассеянно.

— Ты сказал: сила и скорость — не при чём! А что при чём!

— Вырастешь, и я тебе скажу.

— Нет! Так не пойдёт! Ты сейчас скажи! — заупрямилась Катенька.

— Так! Всё! Скажи, да скажи... Давай быстро домой! Ноги, пади, закоченели уже! — вдруг прикрикнул дедушка.

Катя тут же скисла. Всё упрямство разом улетучилось. Ноги и впрямь замерзли, и маленькие пальчики начали неметь. Она понуро повесила голову и зашагала с дедом к дому.

Солнце меж тем совсем скрылось, и яркая полоса малинового заката постепенно угасла. Небо потемнело. Наступила морозная ночь.

Зажглись огни мегаполиса, и световые столбы вспыхнули в ночном небе над ним, подобно северному сиянию. Этой красотой хотелось просто любоваться, если бы этот город не являлся обиталищем врага.

Катя росла на страшных историях про хрустальный город. Ей рассказывали о невероятных богачах, что жили там, в роскоши, со всеми удобствами. Наука, культура, медицина — там всё было. А ещё лето! Вечное, тропическое, под куполом! Какие диковинные растения там могли расти, оставалось только представить.

Вот только хозяева города слыли злыми и жестокими. Они не считали за людей тех, кто не жил с ними. Кате рассказывали, что горожане ели похищенных маленьких девочек и мальчиков, били и заставляли много работать похищенных взрослых. И много ещё, каких страшных вещей наслушалась Катенька про города и их жителей.

А самым жутким человеком считался правитель Владморий. Дед Кузьма говорил, что он похищает людей для того, чтобы играть с ними, как с живыми куклами! Когда Владморий садится обедать, перед ним избивают пленников, и пища ему кажется вкуснее. Даже сами горо-

жане подчас страдали от Владмория. Днём и ночью велась пристальная слежка за каждым. И когда Катя спросила однажды, почему горожане не свергнут Владмория, дед Кузьма ответил, что они сами выбрали себе путь, ведущий в погибель. А тот, кто не захотел идти этим путём и желал свободы, покинули города, как Катины прабабушки и прадедушки и другие жители их посёлка.

Но существовали и другие истории. Например, о том, как люди жили раньше до Разделения и великих аномалий. Мир цвёл изобилием, возможностями и свободой. Доступом к наукам, медицине, электричеству и прочему обладал каждый, кто хотел. И территория обитания любого человека не ограничивалась лишь клочком леса, маленьким посёлком и городом вдаль. Люди путешествовали. Ездили из города в город и даже летали на самолётах.

Кате такое представлялось сложно. Её маленький мир, посёлок да окрестности, не составляло труда обойти весь пешком за день. На границах стояли опознавательные столбы, за которыми простирались земли со смертельно опасными аномалиями. Туда ходить не следовало никому, и община жила в изоляции уже много лет, не имея возможности переселиться подальше от города.

Она ещё долго сидела у окошка, всё смотрела и смотрела сквозь заросли кустов перед окном, сквозь сумрак на сверкающие огоньки ночного города у горизонта. Папа, мама и Гоша живы, и она обязательно их отыщет. А правителя Владмория ждёт расплата! Страшная и мучительная!

Вдруг что-то блеснуло.

— Дед, дед, посмотри! — заголосила Катя.

Дед, который, было, занялся, накрывая скромный ужин на стол, забеспокоился и подошёл к окну.

— Что, моя хорошая? — Сквозь ласковый тон в его голосе прослеживалась тревога.

— Огоньки! Там, в поле!

Дед Кузьма помрачнел.

— Опять едут, бестии! Скорее, надо проверить дверь! Заперто? — спохватился он.

Катя мигом подбежала и толкнула входную дверь.

— Всё закрыто! — объявила она.

Дед дунул на свечу. Вся изба погрузилась в темноту.

— Идём, Катенька, скорее! Спускайся.

Он открыл крышку подпола. Катя привычно юркнула вниз. Дед спустился следом, закрыв за собой вход. Они с Катей замерли. Девочка даже дышать старалась, как можно тише, прислушиваясь к любому звуку в тревожной тишине. Лишь свист от дыхания деда Кузьмы раздавался рядом. Она во все глаза глядела сквозь черноту абсолютного отсутствия света, но даже очертания предметов растворились во тьме. Нос щекотал запах земли и съедобных корнеплодов, что хранились здесь в ящиках. Больше всего в эту минуту Катя боялась чихнуть.

Сверху раздались чьи-то крики. Катя отчаянно напрягла слух в надежде понять, чей это голос, но звук едва слышался.

— Дед, кто это? — шепнула она.

— Кажется, соседка Глафира Петровна. Вроде это её голос, — ответил дед, прошептав так тихо, что Катя еле разобрала слова.

— Неужели её забирают?!

— Или её дочь...

Сердце сжалось. Только не Света! Сначала братик, потом родители, теперь и лучшая подруга!.. Горожане хотят разрушить её жизнь до основания! Что она будет делать без Светы?! В посёлке и так мало детей, а ровесников Кати и того меньше, и из них лишь дочка Глафиры Петровны жила ближе всех. Они вместе любили играть в снежки, строили баррикады из снега, весной пускали кораблики. Света часто брала Катю к себе в гости, и Глафира Петровна с радо-

стью угощала пирогами, вкусным соком из яблок, салатом из капусты и много ещё чем. Она подарила Кате красивое тёплое пальто, которое сшила сама из шерсти своих коз.

Девочка не на шутку разволновалась. Хотелось выбежать из погреба и посмотреть, что там. Неужели горожане и впрямь решили забрать Глафиру Петровну или Свету!

— Дедушка, я не хочу! Не хочу, чтобы их забирали! — запричитала Катя.

— На всё воля Божья, — вздохнул дед. — Молись.

Катя замолчала, произнося про себя молитвы, заученные наизусть.

Крики и плач всё ещё доносились.

— Дед, а может, выйдем и пойдем, поможем? — встрепелась она снова.

— Да, что ты, Катя! Даже не думай про это! Что мы с тобой можем против вооружённого отряда?! — раздался быстрый шёпот деда Кузьмы, полный волнения.

Катя вздохнула.

— Дед, но ты ведь — чемпион! — напомнила она.

— Был им когда-то. А теперь я стар и слаб, чтобы вступить с кем-то в схватку.

Что, правда, то, правда. Дед Кузьма еле ходил от боли в коленях. Куда уж ему бросаться на подвиги!

— Дед, а научи меня тому, что знаешь сам! Я буду прилежной ученицей!

— Чему? Драться?!

— Да!

— Но ты же девочка, Катя!

— А, что, девочки не могут драться? — возмутилась Катя.

— Девочки — будущие женщины. Дело женщины — дом, семья, очаг. Дерутся мужчины, Катя!

— Ничего подобного! Даже, вот, у нас в общине есть боевые женщины. А среди горожан, которые на нас нападают, тоже есть женщины!

— Но это неправильно, Катя! — вздохнул дедушка Кузьма.

— Неправильно, дедушка, что горожане нападают и похищают людей, а мы молчим, трясёмся от страха и не даём никакой отпор! Вот это неправильно!

Повисла тишина.

Крики, доносящиеся с улицы, смолкли.

Они с дедом ещё какое-то время отсиживались в подполе, боясь выйти.

Катя обхватила себя ручками, думая о судьбе Светы и её мамы. Как же не хотелось, чтобы они пропали.

Ах, вот если б вдруг стать взрослой и сильной!

Катя замечталась, представляя, как в одиночку побеждает всех врагов и спасает своих друзей! Она бы и папу с мамой спасла, и брата, вот только... пока Катя маленькая и слабая. Но, ничего, она уговорит деда Кузьму обучить её драться! И станет сильной и смелой! Обязательно станет!

Глава 2 Незнакомец

Пурга за окном немного утихомирилась. Катерина дочитывала роман, сидя у печи. Она перечитывала старые книги по несколько раз, обменивалась ими с соседями и другими членами общины. Хоть литературы в посёлке водилось и не мало, новых книг всё же не хватало.

Иногда так хотелось чем-нибудь себя увлечь! Катя представляла, сколько книг могло оказаться в мегаполисе: огромные библиотеки, высоченные стеллажи!.. И там, ведь, ещё могли печататься новые... Но Катерина тут же обрывала такие фантазии у себя в голове. Горожане разрушили её семью, жизнь, психику... До сих пор по ночам лились горячие слёзы. Все детские забавы позабылись, и Катя больше не тыкала гвоздями в бумажных горожан, она теперь занималась этим в своих мечтах.

Катерина нервно сглотнула и захлопнула книгу. Стоило только подумать о городе или о Владморие, внутри появлялось неприятное чувство.

Взгляд застыл на тлеющих головешках. Может, добавить ещё поленьев, чтобы на ночь хватило?

Нет. Дрова надо экономить.

В последнее время нападения горожан участились. Они заявлялись каждые пару недель, никого не похищали, но ужас наводили ни с чем несравнимый. То ранят кого-нибудь, то схватят, потом отпустят — и только им самим было ведомо в какие игры они играют.

Факт того, что возможность сбежать и спрятаться отсутствовала, ввергал некоторых жителей посёлка в депрессию. За лесом простирались болота с аномалиями в виде ядовитых облаков и необъяснимых явлений. Много кто пытался пройти их, и потом одни умирали, а другие возвращались все в смертельных язвах. Если бы не это, община давно бы покинула эти места и жила в безопасности. Но о безопасности оставалось только мечтать.

— Напоминаю каждому, в ночное время покидать дома запрещено, если вы конечно не собрались стать лёгкой добычей для горожан! — объявил староста на последнем собрании.

Катерина сидела в самом дальнем углу и сверкала оттуда недовольным взглядом. Как же хотелось услышать что-нибудь наподобие: «Братья и сёстры! Сколько можно терпеть такое жалкое положение! Давайте уже дадим отпор этим змеям! Я вот тут не спал сегодняшней ночью и разработал блестящий план...»

Но ничего такого никто не говорил. Все понимали, что обречены на проигрыш заранее, вот и выживали до последнего, как могли, каждый с надеждой на то, что это его не коснётся.

Все, кроме Катерины и ещё некоторых, кто думал, как она. Но таких смельчаков проживало в посёлке до смешного мало, чтобы кому-то давать отпор. Вот и терпели все набеги «разбойников» из города молча. И каждый раз, когда это случалось, Кате приходилось запирается в подполе и тихо там скрипеть зубами, сдерживая порывы отчаянной злости. В одиночку вступать в схватку с вооружённым отрядом, не имея при этом элементарного оружия, гарантировало неминуемую гибель.

Но мечты никто не отменял, и Катерина жаждала разобраться с горожанами. Особенно ей хотелось добраться до правителя Владмория. Она в своих снах то и дело видела себя победительницей. Снилось, будто Катя умеет летать и будто она неуязвима. В одиночку расправляясь с целым войском врага, Катерина жестоко убивала правителя в конце. Но чаще всего во снах являлись родители, и иллюзия счастья ненадолго утешала. Как же хотелось их вернуть! Катя горела этим желанием, но суровые условия жизни диктовали другие правила.

И всё же надежда жила глубоко в сердце, и следуя лишь ей, Катя на протяжении нескольких лет училась сражаться. Дед Кузьма, в прошлом боец и чемпион, щедро делился знаниями, а она старательно выполняла упражнения. Не всегда всё получалось с первого раза, и дед много раз предлагал оставить занятия, но упорство Кати не знало границ, и спустя время Катерина

уже показывала такие успехи, о которых не все могли мечтать. Это подстегнуло заниматься ещё чаще и ещё старательнее.

Годы в посёлке слились в бесконечную череду холодных рассветов и изнуряющих тренировок. Дед Кузьма был немногословен, но требователен. Он никогда не бился с ней сам, считая, что его отеческая жалость только помешает. Вместо этого он находил ей учителей среди тех, кто привык выживать в лесах — суровых охотников и заготовщиков леса.

Особенно Кате запомнился вечер, когда ей исполнилось четырнадцать. На заднем дворе, где снег был утоптан до состояния льда, её ждал Архип — лучший следопыт посёлка, мужчина с кулаками размером с её голову.

— Кузьмич, ты в своём уме? — Архип недовольно сплюнул, глядя на худенькую девочку. — Она ж рассыплется. Я её одним щелчком пришибу.

— Не рассыплется, — дед Кузьма стоял у забора, спрятав руки в рукава тулупа. Его взгляд был жёстким. — Если пришибёшь — значит, она не готова. А не готова — значит, не жалец. Нападай, Архип. Не как на соседа — как на вора, что пришёл за твоим последним куском хлеба.

Охотник нехотя двинулся вперёд. В тот вечер Катя впервые поняла, что её единственное оружие — не сила, а гнев и скорость. Когда Архип, потеряв терпение от её маневров, рванул на неё всем телом, Катя не отступила. Она кожей почувствовала момент, когда он потерял равновесие. Нырок под тяжёлую руку, резкий удар ребром ладони в открытую шею и подсечка. Огромный мужик рухнул в сугроб, подняв облако ледяной пыли.

— Неплохо, — Кузьма даже не шелохнулся, лишь прищурился. — Но в Городе тебя будут бить не для того, чтобы повалить, а чтобы убить. Вставай, Катерина. Ещё раз.

С того дня в посёлке перестали смотреть на неё как на сироту, которую нужно жалеть. В её глазах появилось что-то такое, от чего даже взрослые мужчины невольно отводили взгляд. Она больше не была «былинкой». Она становилась клинком, который дед Кузьма год за годом затачивал для одного-единственного удара.

Пришло время, когда Катя стала уметь противостоять нескольким здоровым мужчинам, но и на этом она не останавливалась, продолжая совершенствоваться от раза к разу. Дед Кузьма в шутку заявил однажды, что лучше бы Катя родилась мальчиком с такими-то наклонностями. Она ни сколько не обижалась и привыкла к всеобщему убеждению, что занята неженским делом. Не обращая внимания на разные толки, Катерина постепенно шла к своей цели.

Унылая тишина повисла в избе.

Что-то дед Кузьма давно не заходил. Взгляд метнулся к стареньким часам на стене, стрелки которых показывали без четверти семь вечера.

Катя встала с кресла, оделась и отправилась в соседний дом.

— Дедушка? — позвала она с порога, входя в избу вместе с клубами пара от ледяного воздуха.

Внутри царил полумрак. Помещение освещалось лишь одной тусклой лампадой, что висела перед образами.

Из дальнего угла раздался сухой кашель.

— Проходи-проходи, Катя! Я как раз чай поставил, — прозвучал хриплый голос.

Катя поёжилась. Огонёк в голландке еле тлел, требуя свежей охапки дров.

Катерина мысленно пожурела себя за то, что за целый день пришла к деду только сейчас. Она подошла ближе и села на краешек кровати.

— Как-то ты неважно выглядишь! — обеспокоилась Катя, увидев бледное неподвижное лицо.

— Видно простудился немного, — ответил дедушка Кузьма, прокашлявшись. — Зима-то затянулась...

— Дайка я... — Рука сама дёрнулась и дотронулась до дедова лба. — Что-то мне это не нравится. Горячий ты.

Беспокойство вошло в сердце неистовым штормом.

— Ерунда! — махнул дед рукой. — Обычная простуда!

— Какая же это ерунда! Ты огненный! — Голос поднялся на два тона.

Дед Кузьма улыбнулся, а потом снова закашлялся.

Катя без промедлений встала и бросилась на кухню. В ящиках хранились травы и настои от бабушки-травницы и от врача. Она взяла те, что помогают при простуде и высокой температуре, и ринулась обратно к постели.

Стоило откупорить один из пузырьков, как в нос ударил резкий горьковатый запах. Несколько капель Катерина отмерила в стакан с водой.

— Пей! — велела она.

Не дожидаясь очередного приступа кашля, Катя сбегала за дровами. Гаснущий огонь в голландке живо вспыхнул, побежав по свежим поленьям.

Старик молча наблюдал за суетой вокруг него. Хрупкая девушка воробышком порхала по избе туда-сюда. Своих-то детей у деда Кузьмы не осталось, единственная дочь умерла ещё в младенчестве, жена погибла в аномалии, а ему так хотелось внуков. Вот, и привязался он к Кате.

До самой полуночи Катерина не покидала дедушку, поила его настоями, лекарствами и отварами. Но во втором часу лихорадка усилилась.

За окном весь мир растворился во тьме, и огни ненавистного города вдаль поглотила разбушевавшаяся снежная буря. А надо бы за врачом сбегать...

— Я сейчас вернусь, — протараторила Катерина, набрасывая на себя старенькую дублёнку.

— Ты куда? — забеспокоился дед, приподняв голову.

— Сейчас врача приведу.

Он кивнул, снова опустившись на подушку.

Катя вышла под снежный занавес. Вихрь с силой бросил снежинки в лицо и закрутил длинные косы. Натянув на ходу шапку, Катерина заторопилась по заметённой дорожке.

Дом врача находился на другом конце улицы. Свет в окнах не горел. Тёмные кирпичные стены чернели в неярком свете масляного фонаря.

Катя забежала по ступенькам. Промёрзшее деревянное крыльцо громко закрипело под ногами. Кулак судорожно забарабанил по двери.

Секунды превращались в минуты. Никто не спешил открывать. Неужели врач ушёл?

Вьюга выла, закручивая снежные вихри, и пела свою неистовую песнь.

Катерина по-новой забарабанила кулаком в дверь. Скрипнула щеколда, и в дверях появился парнишка лет четырнадцати, сын врача.

— Где твой отец? — закричала Катя.

— Так, уехал он к травнице. Сказал, вернётся, как погода утихомирится, — растолковал парнишка, шмыгая носом.

Катя зашипела от негодования.

— Проклятие аномалий! Какая необходимость-то в такую погоду к травнице! — выругалась она.

Пришлось срочно соображать, что делать дальше.

Доктора нет! И если погода не улучшится, он и завтра не приедет. А лихорадка деда ждать не может! Уж сколько отваров и настоев она ему дала, а толку нет!

В раздражении пнув ступеньку, Катя, ни слова больше не сказав, устремилась к дому старосты.

Сквозь бурю раздавались звуки скребущей о снег и лёд лопаты. Пожилой дворник, как мог, боролся со стихией.

— Опять в библиотеку? — Дядя Митя, тяжело дыша, отвлёкся от работы.

— Мне Иван Фёдорович нужен. Он у себя? — Голос заметно дрожал.

— Конечно! Погода-то! И темень какая! Нынче все по домам... А Иван Фёдорович тебе сейчас на что?

— Я к нему по личному делу.

— Боюсь, будет мало толку. Праздник в самом разгаре...

— Какой ещё праздник? — удивилась Катя.

— Ты не читаешь объявлений? День рождения сегодня у Натальи Михайловны.

Катя поджала губы. Как же она могла забыть, что жена старосты отмечает сегодня свой день рождения? Из головы вылетело совсем. И подарок не подготовлен. А ведь приглашали всех жителей посёлка. Воображение сразу нарисовало огромный зал собраний, до отказа набитый празднующими. Кто-нибудь из подвыпивших гостей обязательно к ней прицепится и начнёт звать танцевать. А какие танцы! Деду Кузьме плохо. Ей придётся каждому растолковывать об этом. Так и настроение у людей испортится. Не хотелось срывать праздник. Может, получится как-то тихо пробраться к старосте. Дай Бог, он не сильно пьян и вникнет в суть проблемы...

Катерина мухой влетела в ворота и бегом пересекла просторный двор.

— Катюха пожаловала! — рассмеялся брат старосты басом. Шаткой походкой он брёл по коридору в сторону туалета. Запах самогона тянулся за ним шлейфом.

— Олег Фёдорович! — кивнула Катя. — Где ваш брат?

— На кой он тебе? Иди лучше к Никитке. Мальчишка уже весь иссохся по тебе! — усмехнулся Олег Фёдорович и икнул. Ещё один шаг, и он привалился к стене, чуть не задев бра со свечой. Старые доски под выцветшими обоями пронзительно скрипнули.

Катерина сморщилась и проскочила мимо.

— Молодёжь! — прогремело вслед.

Из зала собраний доносились смех и музыка. На гитаре обычно играл сам Иван Фёдорович, но и Никита порой не уступал отцу в умении обращаться с инструментом. Катя мысленно взмолилась, чтобы не столкнуться с последним, особенно сейчас, когда нервы напряглись до предела, а беспокойство съедало изнутри.

Она тихонько заглянула в щель между дверями. Потоки тёплого воздуха с запахами пота и шашлыка обдали холодное лицо. Празднество шло в самом разгаре. Большинство гостей скакало под весёлую мелодию. За прыгающими фигурами едва можно было разглядеть музыканта в тусклом свете. Зато Катя увидела Димку, внука дяди Мити.

Димка топтался возле двери. Катерина просунула руку и схватила его за плечо.

— Пойди-ка сюда!

Она вытянула мальчика из зала в коридор.

— Катька? А ты чего здесь? — испуганно заморгал Димка.

— Не мал ты ещё для этих праздников? — грозно нависла над ним Катя.

— Вообще-то мне летом будет четырнадцать! И мне дед разрешил! А ты чего сама-то здесь?.. Чего не веселишься вместе со всеми? Наташка с Оксанкой про тебя спрашивали, и Никита тебя ищет...

— Так! — шикнула Катерина. — Потихе можешь говорить? Деду Кузьме стало плохо, а доктора нет дома. Можешь Ивана Фёдоровича позвать? Я не хочу появляться в зале. Мне не до праздника сейчас. Его жену я потом поздравлю лично.

Выражение на мальчишеском лице сменилось на серьёзное. Димка молча кивнул и юркнул обратно в зал собраний. Через некоторое время он появился в дверях не один, а вместе с Иваном Фёдоровичем.

Катя вмиг выпрямилась под строгим и внимательным взглядом.

— Ко мне в кабинет, — велел староста, указав кивком головы за поворот.

Катя, морщась от алкогольного шлейфа, молча последовала за Иваном Фёдоровичем. Внутри закипел интерес, как можно обзавестись таким чудесным умением, как мобилизовать себя в любой ситуации. Ведь, не считая запаха спиртного, со стороны Иван Фёдорович выглядел вполне трезвым и собранным.

— Итак, что случилось? Расскажи по-порядку, — попросил он, как только они вошли в кабинет.

— У деда жар. Лекарства не помогают, а доктора нет! — затараторила Катя.

— Как давно это случилось?

— Я пришла к нему вечером и застала в постели. Дед кашляет и температурит.

— Виктор уехал к травнице ещё с утра. Странно, что он не вернулся... Видно, из-за погоды.

Иван Фёдорович в задумчивости погладил аккуратно подстриженную седеющую бороду и нахмурил острые брови.

— Прошу, Иван Фёдорович, помогите! Что мне делать? — взмолилась Катерина.

Староста вздохнул. Слегка подёрнутые дымкой опьянения светлые глаза наполнились сочувствием.

— Молиться Богу и ждать возвращения врача! — ответил он со вздохом. — А что тут ещё? Я не врач, ты — тоже. Да будет на всё воля Божья!

Беспокойство внутри усилилось.

— Но, Иван Фёдорович, прошу! Дед Кузьма единственный, кто у меня остался. Если и с ним что-то случится, я не переживу!

К глазам подступили слёзы.

— Катя, я был бы рад тебе помочь, но ночь и погода... Сейчас куда-то ехать — самоубийство! — покачал головой Иван Фёдорович. — Жизнь каждого в общине максимально важна и значима. Ты, ведь, не хочешь подвергнуть кого-то риску?

Катя до боли стиснула зубы и кулаки.

— Вы правы, Иван Фёдорович. Я не хочу никого подвергать риску. Я пойду домой. Бог не оставит нас, — произнесла она сухо и ровно.

Староста кивнул в знак одобрения, и Катерина убежала из кабинета.

Ветер немного ослаб, а снежная пелена утратила свою густоту. Катя поспешила воспользоваться этим моментом и направилась к конюшням. Решение оформилось на ходу. Она сама привезёт деду врача.

До дома травницы верхом в хорошую погоду весь путь занимал минут сорок езды. Дорога вела через лес. Благодаря тому, что люди ходили и ездили по ней довольно часто, полотно хорошо утаптывалось, уплотнялось и расширялось. Много раз травницу хотели переселить из лесу в посёлок для удобства поближе, но целебные травы здесь не росли.

Пока Катерина седлала лошадь, вдруг раздались чьи-то скрипящие по снегу шаги.

Катя резко метнулась вглубь стойла. В свете фонаря мелькнула широкоплечая фигура с кудрявой головой.

Сын старосты. Его-то ещё и не хватало!

Катя замерла, не дыша. Сердце подсказывало, что он ищет именно её, и зная из своих наблюдений за её характером, мог предположить, что Катя сама поедет за врачом.

Неужели Иван Фёдорович всё рассказал Никите! Конечно же, да. Мужская солидарность! Отец во многом поддерживал своего сына. Особенно он одобрял союз Никиты с дочерью давнего друга. Вот только с Катиним мнением почему-то считаться никто не хотел.

До чего же раздражал этот самодовольный и упрямый парень! Никита в посёлке считался самым завидным женихом и он уже давно оказывал Катерине знаки внимания. То ведро с водой

поможет донести, то дров наколет, то ещё что-нибудь по хозяйству. Но Катю такая упорная осада злила до гневной дрожи. Ей совсем не требовалась помощь в отгрузке вёдер или поколке дров. С такими делами она и сама шутя разбиралась, а, вот, что, действительно, для неё требовалось, старательный ухажёр не замечал и не хотел заметить, или хотя бы поинтересоваться. Выводила из себя эта его уверенность в собственной правоте и непогрешимости. За раздутым тщеславием Никита не видел настоящую Катю, а лишь упрямо верил в придуманный собою образ.

Катерина затаилась и старалась раствориться с самой тенью. Никто не помешает ей уехать сейчас. Пусть этот кудрявый индюк даже не надеется!

Никита замер у входа, явно прислушиваясь и всматриваясь в темноту. Господи, да ведь он же сейчас увидит её следы на снегу, которые ослабшая метель ещё не успела сравнять!

Но, может, Никите не хватало ума, или слишком густая тень не давала разглядеть что-либо — он ничего не заметил, потоптался у входа и зашагал прочь, скрипя сапогами.

Катя с облегчением выдохнула. Убедившись, что Никита больше не вернётся, и поблизости никого нет, она поспешила закончить приготовления к поездке.

Лошадь бодро затрусила по начищенной тропе, но в лесу её прыть слегка поубавилась. Дорогу там успело замести.

Свет фонарей посёлка остался позади, и темнота едва развеивалась далёкими огнями мегаполиса. Летящий реденький снежок превратился опять в плотную завесу метели. Ветер усилился, и буря по-новой взялась за своё буйство.

Глаза заслезились. Катя с упорством вгляделась сквозь непогоду, улавливая знакомые силуэты деревьев. Лошадь пришлось повести медленно, чтобы ничего не пропустить. Внутри зашевелился страх сбиться с пути и замёрзнуть, но Катерина приказала себе ничего не бояться, потому что кроме неё деду Кузьме больше никто не поможет.

Ледяные порывы грозили выбить из седла и замести снегом. Резкие потоки рвали шапку и морозили лицо с шеей. Разум стал твердить о глупости решения ехать ночью по лесу в такую метель.

Тоненькая иголочка паники вонзилась в сознание. Сколько же времени прошло с момента отъезда?! Как жаль, что старенькие отцовские часы сломались ещё прошлым летом, сейчас они бы здоровогодились. Такой аксессуар в посёлке слыл большой редкостью.

Катя притормозила лошадь и пристально пригляделась. Сквозь тьму ночи и снегопад чернели силуэты корявых дубов. Ветви сетью опутывали слабо подсвеченное огнями мегаполиса небо. Меж стволов стеной кустилась поросль.

Она знала это место. Летом здесь росло много грибов, и чтобы добраться сюда, приходилось сворачивать с дороги и углубляться в чащу.

Сердце ёкнуло. Неужели она где-то пропустила поворот?!

Катя повернула лошадь обратно, чтобы найти дорогу. Сохранять спокойствие теперь стало сложно, ведь утекало драгоценное время.

Глаза заболели от перенапряжения и усталости.

Вот, тот куст рябины. От него нужно идти пятьдесят шагов в сторону тех стройных сосен, которые теперь терялись во мгле. У сосен растёт старая приметная берёза, её и-образная ветвь указывает направление к дороге.

Так двигаясь от ориентира к ориентиру, Катерина не теряла уверенность, что вот-вот окажется снова на дороге, но этого не произошло. Со всех сторон сгустился непролазный бурелом.

Как же так?! Она знала этот лес лучше, чем саму себя! Каждое дерево, пенёк и куст... Точно неведомые силы принялись мешать и сбивать с пути. Но всё объяснялось куда проще: темнота и пурга не давали определять точно, куда следовать.

Не смотря на тёплую одежду, холод пробрался к коже. Дублёнка, доставшаяся от матери, равно как и шерстяные гамаши, спустя столько времени поизносились и уже не так берегали тепло. Пальцы в истончившихся варежках онемели.

Впереди блеснули яркие огни. «Добралась!» — обрадовалась Катя и замолотила пятками лошадиные бока.

Но радость продлилась до момента, как пришло понимание того, что фонари горят слишком ярко для масляных ламп, а их свет не рыжеватый, а синий.

Катерина притормозила лошадь.

Уж не горожане ли там?

Глаза напряглись в поисках деталей, но кроме огней ничего подозрительного меж деревьев не замечалось.

Снег вокруг мерцал синеватой россыпью звёзд. Блестящие искорки танцевали в воздухе.

Волосы на затылке зашевелились, а дыхание сбилось. Тело теперь задрожало не только от холода, но и от страха, что накатил при виде необъяснимого явления. Неужели аномалии добрались до этих мест?!

Лошадь шагнула на полянку, закрытую пышными елями от ветра, и остановилась. Катя застыла в седле. Посреди поляны чёрным пятном на снегу лежал человек.

Непослушное сердце зашлось в неистовом ритме.

Незнакомец не шевелился.

Катя спешила и прокралась к распластанному телу, стараясь не скрипеть сапогами. Она присела на корточки и склонилась над лежащим. Им оказался молодой мужчина. Призрачно белое лицо напоминало облик алебастровой скульптуры в главном зале у старосты.

Катя стянула с руки варежку, и осторожным движением дотронулась до холодной шеи незнакомца. Под пальцами ощущался едва уловимый пульс. Жизнь висела на волоске. Вот-вот замёрзнет! Но как же он здесь оказался? А самый главный вопрос: кто такой этот мужчина?

Взгляд скользнул по волосам и одежде. В посёлке мужчины подстригались всегда коротко, и редко кто носил отросшие волосы. А незнакомец мог похвастаться шёлковыми блестящими прядями, которые ветер перебирал словно перья. Все Катины соплеменники носили одежду, повидавшую виды, местами заплатанную, местами грубую и затёртую, и ни у кого не водилось таких дорогих собольих воротников на мягком длинном чёрном пальто, замшевых перчаток и новых сапог.

Неужели это горожанин?! Но откуда он здесь взялся, один и без транспорта?

От волнения стало жарко. Руки вспотели, щёки запылали, пульс застучал в висках. Прежде горожан никто просто так не видел. Это случалось лишь во время их нападений. Враги являлись группой, все экипированные в чёрную форму наподобие доспехов, и лица всегда закрывали специальные маски.

На миг пришли мысли добить недруга, пока он так беспомощен: достать нож и зарезать. Рука уже потянулась к рукояти, но дотронувшись до холодного металла, остановилась.

А вдруг это подарок судьбы? Что, если с помощью него можно попасть в город и найти родителей с братом?

Катерина вскочила на ноги, подбежала к лошади и принялась мастерить импровизированные носилки из волчьих шкур, что везла с собой на всякий случай. Закоченевшие пальцы едва подчинялись движениям, и узлы вязались с трудом, но лучше так, ведь, взвалить тяжёлое тело мужчины на спину животному она точно не смогла бы, а вот аккуратно перекатить незнакомца на шкуры получилось. Концы носилок Катя привязала верёвками к седлу.

Взяв лошадь под уздцы, она неторопливо повела животное с осторожностью, чтобы носилки с мужчиной не размотало по сугробам.

Идти по глубокому снегу в метель давалось непросто. Катя то и дело спотыкалась и падала. Ветер продолжал свирепствовать. На тело навалилась усталость. Разум окончательно

запутался в ориентирах, и лишь свет со стороны города подсказывал приблизительное направление.

В сознание уже давно стучалась паника. Как там дедушка? Обещала вернуться быстро и оставила его одного так надолго!.. Надо было хоть кому-нибудь сказать о своей отлучке, чтобы приглядели за дедом, пока Катя не привезёт доктора. А что, если она сгинет здесь вот так глупо, заблудившись в родном лесу, а дедушка так и не дожждётся врача?!

Сама того не замечая, Катя начала тихонько напевать молитву, которой её обучили ещё родители.

Впереди сквозь тьму и снежную пелену замаячил просвет среди деревьев. Ноги сами собой ускорили шаги. Зрение не обмануло: там, действительно, заканчивался бурелом, и на поляне располагался дом травницы.

Катя выдохнула с облегчением, но внутри закралось чувство, что ещё рано расслабляться. Отчего-то масляные фонари у домика, призванные всех встречать своим тусклым светом, не горели. Дверь в избу хлопала на ветру.

Мышцы напряглись. Беспокойство неприятно шевельнулось внутри.

Катя обернулась. Мужчина на носилках не подавал признаков жизни. Оставалось совсем мало времени для того, чтобы внести его в тепло и согреть. Да и сама Катя нуждалась в тепле не меньше.

Пришлось набраться мужества и подойти к хлопающей двери.

Сердце бешено колотилось. Внутри царил непрояснённый мрак.

Руки сами потянулись в карманы за спичками. Слава Богу, в одном из них лежал коробок. Это всё Никита — подарил сразу целую упаковку. Не смотря на дефицит, у старосты хранились огромные запасы спичек. Катя быстренько зажгла огонёк и в его неярком свете отыскала лампу, которой тут же воспользовалась.

Как только мрак в избе развеялся, перед глазами предстала пугающая картина: перевернутая мебель, разбросанная одежда, разбитая посуда и тёмные лужицы чего-то вязкого на полу.

Мгновенное понимание случившегося тут же нарисовало в воображении нападение горожан и сцены борьбы.

Конечно же это их почерк! И на сей раз они похитили травницу и доктора! Без них теперь посёлок обречён! Кто же будет лечить?! Кто теперь поможет деду Кузьме?!

Тело колотила усилившаяся дрожь. Но обстоятельства с детства научили брать себя в руки в любой ситуации.

Не помня себя, Катя механическими движениями разожгла голландку, затащила на шкурах в дом незнакомца и принялась шаркать по полу в поисках уцелевших лекарств от жара, от простуды и от воспалений. Найдя нужные пузырьки, она сложила их в сумку. Стоило немедленно возвращаться обратно к деду, но мужчина не приходил в себя, хотя изба прогрелась достаточно. По всем правилам, чтобы человек скорее согрелся, его надо раздеть, но дотрагиваться лишний раз до предполагаемого горожанина не хотелось.

Катя налила себе чаю и заняла место в кресле. Тело наконец-то согрелось. На веки навалилась тяжесть, и Катя не заметила, как провалилась в сон.

Глава 3 Хрустальный город

Дрёму пробил толчок в плечо. Катя распахнула глаза и заморгала. Сквозь темноту горели два синих огонька.

Опять аномалии!

Страх пригвоздил к креслу.

В лунном свете, льющимся сквозь маленькие окошки, темнела высокая фигура. Незнакомец из леса. Он пришёл в себя.

В груди застучала дробь. Что же она не догадалась его связать! Непростительная ошибка.

Лёжа на снегу без сознания, мужчина казался не таким внушительным, а теперь скалой навис над ней.

Господи! Так, огоньки — это глаза! Никогда в жизни не приходилось видеть ничего такого.

Незнакомец отвернулся, отошёл к окну и застыл, вглядываясь в ночь.

Что же он молчит? Неужели не интересно, что происходит?

Катя решила первой нарушить тишину, надеясь разогнать неистовый ужас в душе.

— Кто вы? — спросила она и вздрогнула от собственного голоса.

Мужчина бросил взгляд из-за плеча. Глаза больше не светились. Катя нервно сглотнула.

Угольки в голландке ещё тлели, отдавая тепло, но вопреки этому засквозило прохладой.

— Сама как думаешь? — пронёсся мягким бархатом голос в полумраке.

Катя замерла. В посёлке лишь Гришка, артист, мог похвастаться приятным тембром, но и его голос не шёл ни в какое сравнение с этим величественным, тягучим и тёплым баритоном.

— Я... эм,... — замямила Катерина, на мгновение забыв, как разговаривать.

Она поднялась из кресла. Хотелось как можно скорее вернуть себе уверенность и контроль над ситуацией, иначе, чего доброго, всё пойдёт не так, как надо. Да и времени оставалось совсем мало. Там дедушка ждёт помощи, а она тут раскисла...

Незнакомец опять отвернулся. Обстановка за окном волновала его куда сильнее.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнила Катя.

Ей показалось, что мужчина взглянул на неё с интересом, хотя в скудном свете луны попробуй разгляди, что там у него на лице.

Он молчал и, похоже, не собирался говорить.

— Я вам, вообще-то, жизнь спасла!

— Спасла, — согласился незнакомец и усмехнулся.

Он со вздохом оторвался от окна и устремился в сторону Кати.

Все мышцы разом напряглись, готовясь к молниеносной контратаке. Адреналин побежал по венам. Но мужчина не атаковал. Скупым движением он снял с запястья металлический браслет и продемонстрировал его Катерине.

— Вот. Замечательная вещь! Показывает погоду, время, карту,...

Стоило незнакомцу лишь провести пальцем по гладкому металлу, как вдруг браслет засветился голубоватыми всполохами и в воздухе вокруг него побежали цифры и рисунки.

Дыхание спёрло в груди. Взгляд приковала удивительная вещь.

Волшебство! Такого в посёлке точно ни у кого нет. А, главное, сколько пользы!

Дрожащие ладони потянулись к чудо-браслету, но разум завопил, что цель — совсем не эта вещичка.

Сомнений не осталось — перед ней горожанин. Только у них водились такие технологии.

— Оставьте себе, — сдавленным голосом произнесла Катерина, пряча руки в складках одежды. — Раз уж вы хотите отблагодарить за спасение, то я с удовольствием приму от вас благодарность в виде того, что вы возьмёте меня с собой в город.

Тонкие пальцы перестали перебирать удивительное плетение и замерли. Исчезли свет, рисунки и обозначения. Изба опять погрузилась во мрак.

Темнота скрывала выражение лица мужчины, но Катя почувствовала на себе тяжёлый взгляд.

— Как интересно. — Бархатный голос наполнился льдом. — Впервые встречаю кого-то из низших с желанием попасть в город.

Глаза напряглись в попытке разглядеть, что написано на его лице. И почему так темно? Неужели в лампах закончилось масло?

— Это всё, что мне нужно. — Её собственный голос выдал слабость и страх.

На минуту воцарилось молчание. Горожанин одел браслет обратно себе на руку и отошёл снова к окну.

— Низшие не могут диктовать высшим свои условия, — объявил он. — Но тебе везёт, что я высоко ценю свою жизнь и своё дело, и отблагодарю тебя.

Сердце подпрыгнуло от радости. Не может этого быть! Она попадёт в город! Бог услышал её молитвы!

— Собирайся, сначала мы ходим на то место, где ты меня нашла.

Катерина замерла в смятении.

— А зачем? — Голос дрогнул. Она с таким трудом отыскала дорогу среди непогоды и ночи, что теперь даже помыслить боялась вернуться в чашу.

— Не задавай вопросов, — отрезал мужчина.

Хотелось ещё что-то сказать, но Катя себя тут же пресекла, а то, чего доброго, он ещё передумает брать её.

— Вы позволите мне только отнести вот эти лекарства моему дедушке? Они нужны ему срочно, и я..., — замямлила она.

— Понимаю, — отозвался горожанин. — Зайдём по пути.

В происходящее с трудом верилось. Катерина вот так просто разговаривает с живым горожанином почти что на равных, и тот ведёт себя вежливо и благосклонно, вопреки всем слухам о таких, как он, и вопреки всему тому, что горожане творили все эти годы.

Катя быстро одела верхнюю одежду и отправилась на выход, следом за мужчиной.

Погода прояснилась. Небо медленно светлело. Лишь выросшие сугробы напоминали о ночном буйстве стихии.

Следов от Кати, лошади и носилок на снегу не осталось — всё замело, но теперь стало возможно следовать по ориентирам и не бояться сбиться с пути.

Синие огни в ельнике больше не горели.

Горожанин принялся что-то искать в снегу.

— Вам помочь? — спросила Катерина.

— Помогай, — согласился он.

— А что надо искать?

— Всё, что не похоже на хвою и шишки.

На чистом небе таяли звёзды, уступая место розовой заре. В еловых ветках бодро защёлкали пробудившиеся синицы, нарушив тишину зимнего леса.

Катерина молча принялась разгребать снег и заглядывать под ели.

Вдруг под кучкой хвои что-то вспыхнуло.

— Я что-то нашла! — объявила Катерина, не рискуя прикоснуться к неведомой вещи.

Мужчина подбежал и ловким движением поднял плоский блестящий предмет.

— Езжай к своему дедушке. Я буду ждать за деревней у края полей, — скомандовал горожанин, принявшись водить пальцем по светящейся поверхности своей вещи.

— Как же вы без лошади?

Он ничего не ответил.

Катя удивилась, но больше ничего не спросила. Мужчина молча отвернулся и уверенной походкой, какой только можно было идти по глубокому снегу, направился через лес. Полы чёрного пальто поползли за ним по снежным покровам. Может быть, у этого горожанина вдруг помутился рассудок?! Как он собрался пешком идти через лес по непролазным сугробам? Неужто ли снова хочет попасть в беду где-нибудь там?! И что? Потом прочёсывать лес в его поисках? Ну, уж нет! Или да?...

Катерина прыгнула в седло и поскакала через лес, взметая за собой снежные клубы в голубовато-розовом свете зари.

Дед Кузьма крепко спал, когда Катя приблизилась к нему. Она первым делом потрогала ему лоб. Негорячий.

— Дедушка, — позвала Катерина, тормоша старика, — проснись. Я принесла лекарства. Дед Кузьма открыл глаза.

— Как ты себя чувствуешь? — тут же спросила она.

— Да вроде ничего, — улыбнулся дедушка. — Видимо настои, которыми ты вчера меня поила, начали действовать.

— Замечательно! — просияла Катерина. — А я тут ещё лекарств привезла.

Дед Кузьма посмотрел на бутылочки, которые Катя звеня начала выкладывать из сумки на столик.

— Ты была у врача? — спросил дедушка.

— У травницы, — поправила его Катя.

— Ты ездила в такой буран, через лес?!..

— А что оставалось делать? Доктор ушёл к ней, и мне пришлось ехать туда.

Катя немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Но дома ни травницы, ни врача не оказалось, — мрачно продолжила она.

— Их забрали! — догадался дед Кузьма, прижав ладонь ко рту, сдерживая ужас на морщинистом лице.

— Да, — кивнула Катя.

Они молча смотрели друг на друга, словно общаясь без слов, а потом первой тишину нарушила Катя.

— Я направляюсь в город, дедушка.

Дед Кузьма в один миг поменялся в лице.

— Катя! — задохнулся он потрясённо. — Каким бы сильным отчаянием ты не была охвачена, не надо чудить!... Там ведь на посту стреляют пушки без разбора. И это страшное оружие! У человека загорается голова! Даже близко нельзя подходить к мегаполису, даже на поле перед ним выходить нельзя!..

— Деда, деда, успокойся! — тряхнула его Катя за плечо. — В лесу я встретила горожанина. Настоящего!

— Что?! — не поверил своим ушам дед, и лицо его вытянулось от изумления. — И горожанин тебя не похитил?!

— Это какой-то другой горожанин! Он без снаряжения... и вообще без всего! И он согласился взять меня в город в награду за спасение!

— За спасение?

— Да. Я нашла его в лесу без сознания и не дала замёрзнуть насмерть.

— Надо было его добить, Катя! Горожанам нельзя верить!

— Нет! Хотя, я хотела это сделать, но...

— Столько лет горожане здесь появлялись только в качестве разбойников, — потрясённо выдохнул дед Кузьма, и взгляд его провалился куда-то в неведомую бездну, а потом он схватил Катю за руку и затряс. — Не вздумай! Катя, не вздумай! Это ловушка! Я не хочу, чтобы ты погибла. Горожане — все безумцы. Они живут по своим страшным законам! Ловушка, это

ловушка! Очередная игра! Эти богачи растеряли последние крохи нравственности! Мы для них ничто! Они играют в какую-то игру, когда охотятся или похищают нас! Попадёшь к ним и погибнешь!

— Не тут-то было, дедушка! Я найду маму, папу и брата, заберу их и покину город! — твердила своё Катерина.

— Не будь такой наивной, Катя! Ты даже не представляешь, с чем тебе придётся столкнуться!

— А ты откуда знаешь, с чем мне придётся там столкнуться? И вообще, если в городе никто из нас не был, откуда знания о нём?

Дед вдруг затих, а взгляд его сделался настолько грустным, что казалось, он вот-вот заплачет.

— Просто послушай меня. Не ходи в этот окаянный город!

Она фыркнула от возмущения.

— Ну, вот, я тебя, например, сейчас послушаю, а что дальше! Как жить потом с этим? Какие у меня тут перспективы? До старости доживать с сожалением, что я могла отправиться в город за родителями и братом, и не отправилась? Папа с мамой живы, я знаю! И Гоша жив! Я обязана пойти за ними!

— Да откуда ты можешь это знать! — возразил дедушка. — Никто не знает, что делают с пленниками в том городе. А то, что говорят, это лишь часть того, что может быть!

— Поверь мне, я чувствую душой, что они живы, и я их найду, — со всей серьёзностью сказала Катя, а её глаза загорелись уверенностью.

Дед Кузьма, поджав губы, посмотрел на Катерину пристально.

— Да. Ты всегда об этом говорила, — согласился он, вздохнув. — Вижу, не удержать тебя. И мне так страшно! Но я понимаю. Это твой путь, который ты должна пройти, но сердце не хочет тебя отпускать. Увижу ли я тебя снова, прежде чем отойду в мир иной?

— Что ты такое говоришь, дедушка! — воскликнула Катерина.

— А ничего! Стар я. Уже очень стар.

Дед замолчал, а Катя, сорвавшись, бросилась ему на шею.

— Всё будет хорошо, дедушка! Мы ещё увидимся! Ещё заживём! И не так, как сейчас, а по-человечески!

Дедушка похлопал её легонько по спине.

— Что ж, дорогая, иди. Иди. Не буду тебе мешать.

— Дедушка!

Эмоции превратились в слёзы, и Катя крепче обняла старика.

— Ну, всё, всё. Иди.

Катерина поднялась, чмокнула деда в щёку на прощание, схватила со стола пару пирожков с мясом, один из которых тут же съела, и уже с порога крикнула:

— Спасибо, тебе дедушка!

— За что?

— За всё спасибо! Я скажу старосте — в общине о тебе позаботятся.

— Не вздумай! — вскричал дед, приподнявшись на постели. — Уходи молча, Катя, иначе будут проблемы. А община и так обо мне позаботится.

— Ты прав, — улыбнулась Катя, представив реакцию сынишки старосты, если он узнает обо всём. А ведь Никита её и запереть может где-нибудь в конюшне и не пустит никуда, хотя, какое он вообще имеет право, шут гороховый.

— Катя! — позвал дед, едва Катерина не закрыла за собой дверь.

— Что? — спросила она, заглянув в дверной проём.

— Ты бы взяла что-нибудь из вещей!

— Ты прав! Надо взять летнее платье, там же ведь у них жара под куполом!

Катя бросилась к шкафу и достала оттуда синее старенькое платишко, запихала его в сумку и готова была снова пойти на выход, как дед Кузьма опять её остановил.

— И что, больше ничего не возьмёшь?

— Нет! Зачем мне с собой тяжёлая сумка? И одного платья вполне хватит.

Знания о том, что может понадобиться в длительной отлучке, напрочь отсутствовали не только у Катерины, но и у остальных её земляков. Опыт путешествий жителей посёлка равнялся нулю.

— Присядь на дорожку... А лучше подойди, я благословлю тебя, — велел дедушка, протягивая руку.

Катя молча подошла под благословение. Дед крепко сжал её ладонь.

— Хорошо бы зайти в храм, Катя.

— Уже некогда дедушка. Я боюсь, горожанин не даст мне столько времени. Помолюсь по дороге.

Сердце билось всё сильнее. Внутреннее волнение рвалось наружу и искало выход через слёзы или нервный смех, но Катя силой воли давила в себе эмоции. Дедушка не должен видеть её слабость, иначе будет переживать ещё сильнее.

— Ступай, Катенька.

Он перекрестил Катерину несколько раз, пока она не переступила порог. По телу побежала лёгкая дрожь. Неужели происходит то, что происходит, и замысел начал сбываться? Катя некоторое время постояла на обледенелом крыльце, глядя на древесный рисунок входной двери. Мысли путались. Перед глазами застыла надолго картина деда с тревожным взглядом творящего крестное знамение в воздухе. Она вынуждена оставить его, сейчас, в таком состоянии... Правильно ли это?

Катя тряхнула головой и зашагала прочь от дома.

— Готова? — раздался голос горожанина совсем рядом, как только Катерина отошла на достаточное расстояние от посёлка и остановилась у края леса.

Напряжённые мышцы дёрнулись. Катя не ожидала, что горожанин так скоро явится. Он подошёл совсем близко, отчего она невольно шарахнулась в сторону, увеличивая расстояние между ними. Наверное, хорошая погода способствовала тому, что мужчина пешком добрался по сугробам так быстро.

— Да, — ответила Катерина, пряча волнение в голосе.

— Тогда не будем терять времени. Пойдём.

— Пешком?! Так ведь снега по пояс, а до города километров пять, а может и больше...

Раздражённый взгляд горожанина заставил Катю ступеваться.

— Сейчас вызову такси, — объявил он.

Мужчина достал из кармана ту самую вещицу, которую Катерина помогала искать в ельнике. Любопытство сразу приковало её взгляд к яркому экрану, но звук шагов позади заставил отвлечься.

— Эй! Катя? Кто это с тобой? — раздался знакомый голос, от которого дёрнулись уши и волосы на затылке зашевелились.

Катя с опаской обернулась.

Никита замер в нескольких шагах в напряжении, не сводя взгляда с горожанина.

Дыхание перехватило. Господи! Сейчас Никита всё испортит! Её единственный шанс попасть в город грозит исчезнуть навсегда.

— Кажется, твой знакомый, — прозвучал ровный голос мужчины.

Катя окаменела.

А Никита меж тем устремился в их сторону, и настороженное выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Никита! — кликнула она. — Тебя твой дядя искал. Сказал немедленно явиться, у него беда случилась!

Но Никита не поддался на уловку. Он впился взглядом в горожанина и продолжил приближаться.

— Этого не может быть! Чужак! — выдохнул он наконец, выпучив глаза.

— Никакой это не чужак! — На адреналине мозг стал подкидывать обманные манёвры. — Помнишь Зинаиду Гасилину? Все говорили, что её сын сгинул тогда за Чертой. А, нет! Не сгинул! Вот он!

— Ванька?! — Никита нахмурил брови, припоминая.

Он наконец поравнялся с Катей и горожанином. Его глаза старательно выискивали в мужчине за что зацепиться.

— Ванька! Где тебя носило! Откуда на тебе эти шмотки? Неужто ли снял их с мёртвого горожанина? А лицо... Это аномалии похоже так меняют внешность!

Кате казалось, что горожанин вот-вот взорвётся от возмущения. Он замер, убрав вещь с экраном в карман. Бледное лицо стало ярче от румянца и потемневших кругов вокруг глаз.

Мужчина вопросительно посмотрел на Катю.

— Мне не к чему участвовать в вашем цирке, — процедил он сквозь зубы. — Такси сейчас уже подъедет. Будь готова вовремя запрыгнуть.

— А? — Никита на мгновение застыл, явно пытаясь понять правильно то, что только услышал.

— Я потом всё объясню! — Катя поспешно хлопнула его по плечу как можно сильнее. — Не волнуйся!

Никита мигом поймал её руку налету.

— Что происходит? Кто это такой? — В голосе прозвучала сталь от строгости.

— Твоё какое дело!

Катя резко вырвала руку из его ладони в тот миг, когда на поле показался чёрный нейромобиль в клубах снежной пыли.

— Горожане! — вскрикнул Никита. — Скорее бежим отсюда!

Он снова протянул руку, чтобы схватить Катю, но она увернулась.

Никита распахнул глаза от непонимания, переводя взгляд то на Катю, то на мужчину.

— Катя, не дури! Надо быстрее прятаться!

— Так беги и прячься!

Он раскрыл рот, чтобы ещё что-то сказать, но слова точно застряли в горле.

— Так это... — Эмоции на лице Никиты сменяли одна другую. — Это никакой не Ванька! Горожанин! И ты с ним заодно!

Его дурная натура переходить сразу от слов к действиям вырвалась в ту же минуту. Никита прыгнул к горожанину. Крепкий кулак полетел в лицо чужака, но ладонь в замшевой перчатке молниеносным движением поймала его.

Никита вытаращил глаза, а в следующую секунду скорчился от боли, когда пальцы захрустели в чужом захвате. Мужчина заломил его руку и без усилий толкнул Никиту в сугроб.

Ошалелый и покрасневшийся Никита поспешил выбраться из снега, но его накрыло густой волной от подъехавшего транспорта, похожего на небольшой блестящий локомотив.

Мужчина шагнул на подножку к открывшейся двери.

— Что стоишь! Запрыгивай! — с раздражением крикнул он оторопевшей Кате.

Она встретилась с яростным взглядом из сугроба и в тот же миг вспорхнула на подножку нейромобилia. Сильная рука схватила её за локоть и втянула внутрь, после чего блестящая чёрная дверь закрылась сложившимся крылом. Транспорт понёсся, скользя по снежным покровам, точно по водной глади.

Катя только теперь смогла выдохнуть. Как же быстро эта штука примчалась за ними! Если бы не это, то неизвестно, чем дальше обернулась схватка горожанина и Никиты, и, могло бы случиться так, что кто-нибудь ещё в посёлке их увидел и вмешался.

Краем глаз она осторожно посмотрела на мужчину, сидящего на сиденье напротив. Яркие глаза смотрели прямо и открыто без гнева или негодования, но выражение алебастрового лица ей не понравилось. Так обычно смотрел староста на провинившегося прислужника. Взгляд без ярких эмоций, но открыто предупреждающий о дальнейшем наказании.

— У этого парня будут большие проблемы, — заявил горожанин.

Внутри всё съёжилось. Как бы Никита не надоедал, Катя не желала ему зла. Всё-таки он не виноват в том, что она не испытывает к нему взаимных чувств.

— Пожалуйста, не причиняйте ему вреда! Он не виноват...

— Он запрыгнул на крышу, — перебил её мужчина.

Смысл слов дошёл до осознания с опозданием. Катя не поверила своим ушам. Она замерла, широко раскрыв глаза.

Никита! Что же он творит!

Катя сняла варежки, освобождая вспотевшие ладони.

— Я прошу вас, придумайте что-нибудь, лишь бы он не пострадал! — взмолилась она. — Этот парень — дурачок, он сам не понимает, что творит.

Горожанин забарабанил длинными пальцами по тёмному кожаному сиденью.

— Интересная ситуация, — отметил мужчина с напряжением.

Катерина вгляделась в его лицо в попытке распознать настроение и предугадать дальнейшее решение. Горожанин отвёл взгляд в задумчивости куда-то влево. Это был хороший знак, указывающий на то, что он что-то обдумывает, а значит мужчина внял её просьбе. Но нейромобиль продолжал мчаться вперёд к городу.

— Прошу вас! Остановите эту штуку! — повысила она голос.

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Нейромобиль не остановится теперь до самого города. Я ничего не могу поделать.

— А где водитель?!

— Такси управляется искусственным интеллектом по заданному маршруту.

Катя так и застыла, хлопая глазами.

Солнце, которое до этого светило в глаза, скрылось за высоченными башнями. Снежные покровы вокруг объяла тень от небоскрёбов.

Катя глянула в окно. Они больше не скользили по просторам, а ехали по широкому мосту над головокружительной пропастью навстречу сверкающим зданиям. Поле казалось всегда таким необъятным, а это такси преодолело его так быстро...

Катя нервно сглотнула. Сейчас горожане заметят Никиту.

Сердце сжалось. Если этот господин напротив не поможет, то...

За окнами заискрились тысячи стёкол на мраморных стенах. Катя невольно глянула ввысь, заметив купол по зелёным отблескам в небе.

Нейромобиль остановился. Дверца открылась, и в проёме нарисовался человек, похожий на солдата — весь в боевой экипировке.

Горожанин с непринуждённым видом достал какую-то карточку из внутреннего кармана пальто и показал солдафону на вытянутой руке. Человек в экипировке быстро глянул в книжечку, потом расслабился и с улыбкой произнёс:

— Добро пожаловать, господин Северный! Проезжайте.

Господин Северный убрал карточку обратно во внутренний карман пальто, и дверь закрылась. Транспорт тронулся дальше.

Господин Северный...

Катерина во все глаза посмотрела на него. Северный пожал плечами.

— Может быть, он сорвался. Как ни как скорость у этих такси высокая...

Слово «сорвался» прозвучало, как удар молота в подсознании. Если Никита сорвался, то он мог погибнуть! Так глупо... из-за неё. А этот Северный продолжал сидеть так, словно ничего не случилось.

Перед глазами поплыли белые пятна. Стало нечем дышать, точно воздух сгустился. Катя замахала ладонью перед лицом, как веером.

Северный покосился на неё, сдвинув брови. Он что-то нажал в стене, после чего перед Катей появился на подставке стакан с водой. Она быстро схватила и осушила его.

— Полегчало? — поинтересовался Северный.

Катя замотала головой.

Меж тем виды за окном сменились. Похожие на дворцы здания зазолотились на фоне пронзительно голубого неба. Кате всегда так хотелось увидеть это великолепие, а теперь она лишь мазнула равнодушным взглядом по картинке за стеклом.

— Что же мне делать? — вырвался у неё отчаянный возглас.

— Это ты меня спрашиваешь? — усмехнулся Северный. — Послушай. Я, конечно, премного благодарен тебе за спасение, и согласился взять тебя в город в благодарность, но ты ведь не собираешься пользоваться моим расположением и нагнать. Я ведь тебе особо больше ничего не обещал. Сейчас мы доедем до квартала низших. Там ты выйдешь из этого нейромобиля и на том мы попрощаемся.

— Но я ведь здесь ничего не знаю! — Язык вдруг стал плохо слушаться.

— Ну, и что? Меня это не интересует.

Горожанин говорил всё правильно, и разум с ним соглашался, но страх опутал нутро ядовитой змеей.

Нейромобиль снова затормозил. За распахнутой дверью ждало несколько человек в униформе.

— Сиди тут молча, — велел Северный и вышел наружу. Дверь закрылась.

Катя тихонько посмотрела в окно. По широкой цветущей улице не спеша прогуливались горожане в нарядных одеждах. Некоторые из них с любопытством поглядывали на разговаривающих с Северным сотрудников. Катино сердце подпрыгнуло, когда она увидела Никиту. Его с закованными руками подвели к Северному. Как ни старалась Катерина расслышать хоть слово, окно не пропускало ни звука снаружи нейромобиля.

Северный кивнул, взял Никиту за локоть и подвёл к транспорту. Они залезли внутрь вместе, после чего нейромобиль помчался дальше.

Никита занял своё место на сиденье рядом с изумлённой Катей. Он молча подмигнул ей, отчего она удивилась ещё больше. Катя во все глаза посмотрела на Северного и напряглась, увидев нахмуренные брови и сжатые в одну линию губы.

— Квартал низших пока отменяется. Если кто-то спросит, вы говорите, что вы мои слуги. — Бархатный голос превратился в сухой и холодный.

Северный больше ничего не сказал. Он молча нажал кнопку на маленьком устройстве в руке, после чего наручники Никиты расстегнулись.

— Как ты сюда попал? — От изумления во рту пересохло, и фраза прозвучала сдавленно.

— Не спрашивай «как», спроси «зачем»! — ответил Никита вполголоса.

Катя в раздражении прошипела.

— Чего ты ко мне прицепился! Тебя здесь только не хватало! Ты же мог погибнуть, сорвавшись с нейромобиля!

— А ты, что удумала, Катя! Связаться с горожанином, отправиться в город!.. Да, ты... вообще... Ты хоть понимаешь!.. Это же... Я даже слов подобрать не могу! Добровольно сдать горожанам! И я, по-твоему, должен был спокойно смотреть, как ты садишься в этот транспорт?.. — В глазах Никиты плескалась ярость.

Катерина съёжилась, отодвинувшись поближе к окну, увеличив тем самым расстояние между собой и Никитой.

— Ты не мой опекун! — фыркнула она.

— И что!

— А я взрослый человек!

— Ну, так...

— И мне никто не нужен, чтобы что-то делать и куда-то идти! Мне не нужна твоя забота!

— Вы! Оба замолчали! — вмешался тут Северный, не повышая тон, но сказал так властно, что всем стало не по себе.

Никита молча продолжил сверлить Катю взглядом, но она в раздражении отвернулась к окну. Он жив, значит можно выдохнуть.

Куда они едут? Какая уж теперь разница. Город огромен. А она то представляла его не таким масштабным. Как теперь найти свою семью среди тысячи гигантских зданий и миллиона людей? Никакой зацепки, никакой наводки — ничего!..

Взгляд свободно поплыл по видам за окном. Нет-нет, он да цеплялся за примечательные вещи. Иллюстрации из книг точно ожили. Катя впервые увидела розы на клумбах, пальмы и высокие, похожие на пики, деревья. Иногда на глаза попадались яркие тропические птицы.

— Назовите мне ваши имена, — велел Северный спустя минуту.

Узнав имена, он одобрительно кивнул и задумался, устремив свой взгляд вдаль через стекло.

— А нам как к вам обращаться? — поинтересовался Никита, насупив брови.

— Ваше обращение ко мне «господин», и никак иначе.

Никита хмыкнул, но больше ничего не сказал.

У Кати вертелось в голове множество вопросов к господину Северному. По выражению его лица, она догадывалась, что из-за выходки Никиты возникли какие-то проблемы, но какие именно? И что теперь будет с ней и с Никитой? Но спросить об этом прямо мешал страх вызвать раздражение к себе. Катя лишь нервно кусала губу и поглядывала то в окно, то на Никиту, то на Северного.

Солнечный свет залил салон, когда нейромобиль выехал на открытую площадь. Катерина с любопытством прильнула к стеклу. В центре площади на массивном пьедестале возвышалась чья-то величественная статуя. Катя сжала зубы, заметив корону на голове. Расстояние мешало разглядеть черты лица, но Катерина не сомневалась в том, что там отвратительная физиономия.

За площадью последовал сад. Сердце замерло. Вот она, тропическая зелень! Диковинные деревья с оранжевыми плодами красовались в солнечных лучах. Цветочные поляны горели сочными красками. Захотелось присесть в одной из беседок посреди роскошных растений и забыть обо всём на свете!

Нет! Как можно думать о таком! Катя тряхнула головой. Она в обители врага, об этом не стоит забывать.

Транспорт остановился на подъезде к ослепительному дворцу. Дверь открылась. Первым вышел Северный.

— Не отстаём, — бросил он Кате с Никитой.

Катерина вдохнула полной грудью оказавшись на свежем воздухе. От обилия кислорода и цветочного благоухания закружилась голова. От ярких красок и солнечного света заслезилась глаза.

Нейромобиль укатил обратно к дороге.

— Не хило! — присвистнул Никита окинув оценивающим взглядом сверкающий дворец с изумрудными окнами и белоснежными колоннами. — Уж ни Владморий ли здесь живёт?

— Здесь живёт мэр города, — пояснил Северный.

— И вы нас ему хотите передать?

— Вы — последнее, о чём я сейчас думаю. Таскать вас везде за собой не входило в мои планы. Что мне с вами делать... Ладно. Потом разберусь. Идёмте пока за мной.

Катя и Никита последовали за Северным. Швейцары в зелёной униформе, поклонившись открыли перед ними двери.

Внутри Катерина ожидала увидеть убранство, как на старинных фотографиях дворцов прошлой эпохи, но вопреки её ожиданиям просторный светлый холл приветствовал гостей строгостью дизайна. Взгляду здесь оставалось только зацепиться за хрустальную многоярусную люстру, что напоминала о минувших временах, когда холлы дворцов украшали лепниной, коврами, вазами и картинами.

— Господин, ваши слуги... Может, они подождут вас тут? Их одежда... Боже! — раздался брезгливый голос.

По подсвеченной зелёным цветом лестнице спускался старичок в белой униформе. Он окинул Катю с Никитой тяжёлым взглядом, поправил свой атласный пиджак и вопросительно посмотрел на Северного.

— Оставайтесь здесь, — велел Северный и пошёл к лестнице. Старичок последовал за ним, едва успевая.

— Ну, и где ты собираешься искать свою семью? — зашептал Никита, повернувшись к Кате, едва они остались одни в холле.

Катерина растерянно посмотрела в серые, как грозовое небо, глаза.

— Не смотри на меня так, я всё помню! До сих пор надеешься, что найдёшь свою семью? Я тебя понимаю, но...

— Ничего ты не понимаешь! — огрызнулась Катя. — Если бы понимал, то не путался бы вечно под ногами!

Никита скривил губы и покачал головой.

— Давай хотя бы здесь ты будешь вести себя прилично! Сейчас не время ругаться.

— Да что ты!

Катя хотела снова огрызнуться, но сдержалась и выдохнула. А ведь Никита дело говорит!

— Ладно. Если честно, я понятия не имею где их искать и кто мне может помочь. Всё тут не так, как я себе представляла. Единственное, что приходит на ум, попросить этого Северного... Хотя вряд ли он мне поможет. Уговор был только о том, что он привезёт меня в город.

— Уговор? Как вообще тебе удалось найти живого горожанина, да ещё и о чём-то договориться с ним?!

— Я ему жизнь спасла. — Катя хотела рассказать дальше, но услышала приближающийся звук шагов. — Потом расскажу.

Никита сдвинул брови и обернулся.

— Кто вас сюда впустил? — фыркнула подошедшая женщина.

Катя растерялась с непривычки, увидев ухоженную особу в строгом белом костюме. Уход за собой женщин в посёлке сводился лишь к тому, чтобы просто умыться и расчесаться. Никаких кремов, шампуней, косметики, тем более фена со средствами для укладки! Катя вытаращила глаза на светлые блестящие локоны, алые губы и чётко-расчерченные брови и почувствовала маленький укол зависти.

— Языки проглотили? Отвечайте, а то немедленно...

— Мы с господином Северным! Его слуги... мы, — на одном дыхании ответила Катерина.

— Хм, слуги! — цокнула языком женщина. — Идёмте за мной, «слуги».

— Куда?! Нам господин велел остаться тут! — воскликнул Никита.

— Не важно. С вашим господином я потом поговорю. Ваше дело подчиняться высшим. Он вас, похоже, в посёлке недавно подобрал, если вы не знаете правил. Северный, должно быть, не слышал о действующем режиме...

— Мы вас не знаем и никуда с вами не пойдём, — отрезала Катя.

Женщина скривилась, а густо подведённые глаза потемнели от злости. Она поднесла какое-то устройство к губам и что-то произнесла на непонятном языке.

В холл вбежали двое мужчин в зелёной униформе. Никита одним движением закрыл собой Катю, шагнув перед ней.

Времени подумать, как лучше поступить, совсем не осталось. Один из мужчин замахнулся на Никиту дубинкой, и тому пришлось контратаковать в ответ. Никита умело перехватил руку врага, выхватил дубинку и нанёс удар. В тот самый момент второй противник хотел ударить его в бок, но Катя подпрыгнула, пнула руку мужчины, и дубинка отлетела в сторону.

— Охрана! ОХРАНА! — закричала женщина, отбежав в сторону.

В холл явились ещё пятеро мужчин, на этот раз, в блестящих чёрных доспехах.

По телу прошла дрожь. В памяти вспыхнули живые воспоминания: предпраздничный вечер, на маленькой ёлочке блестит пяток уцелевших стеклянных игрушек, в воздухе витает аромат печёных яблок и утки. Не завися от условий жизни, родители старались устроить праздник для Кати. Никто и не ожидал, что враги нападут прямо в канун Рождества.

Катерина сидела у окошка и искала первую звезду на небе, как вдруг дверь распахнулась, ломая задвижку, и в дом разом вбежали люди. Их угольно-чёрные доспехи зловеще заблестели в тусклом свете керосиновых ламп. Отец, не раздумывая ни минуты, бросился на защиту семьи с тем оружием, что у него было: топор да охотничий нож. Тем временем мама укрыла Катерину в подполе, приказав сидеть тихо.

В темноте своего убежища Катя слышала все звуки, раздававшиеся в доме. Шла борьба. Её родители отчаянно сопротивлялись, а потом всё резко смолкло. Когда Катерина выглянула из укрытия, в доме царили беспорядок и непривычная тишина. Перевернутая ёлка, разбитые ёлочные игрушки — всё, что осталось от наступавшего праздника.

Дикой кошкой Катя бросилась на охранников. Даже Никита не успел сориентироваться так быстро.

Уроки деда Кузмы не прошли даром. Одному из пятерых мужчин в прыжке она сломала ногу. Второму вывернула руку, когда тот попытался схватить за косы.

Оставалось ещё трое. Один из них замахнулся дубинкой, второй целился электрической палкой, но Катя увернулась так удачно, что они поразили друг друга.

Она сосредоточилась на последнем. Он замер подле женщины, на лице которой мелькнула кривая усмешка.

Живот кольнуло. Рука машинально дёрнулась к нему и нащупала инородные предметы. Снотворные дротики.

Катя выдернула дротики.

— Я тебя прикрою! — раздался голос Никиты.

В холл прибежали ещё пять горожан в чёрных доспехах.

— Катя, беги, найди этого Северного, пока снотворное не начало действовать! Я отвлеку их! — Никита прыгнул вперёд, давая возможность прошмыгнуть на лестницу. Но кто бы подумал, что снотворное мгновенного действия давно изобретено!

В глазах резко потемнело, и Катя даже не заметила момент, когда отключилась.

Глава 4 Лаборатории

Он вовремя поймал Катю и не дал ей удариться о пол, но этим воспользовалась охрана. Все пятеро разом навалились и обездвигили Никиту. В какой-то момент показалось, что под масками и доспехами скрываются не люди, а злые духи. Попытки вырваться ни к чему не привели. Спустя мгновение руки и ноги оказались связаны. Глаза в спешке отыскивали Катю. Её поднял другой охранник, который всё время стоял возле командирши.

Никита дёрнулся изо всех сил. Куда этот тип понёс Катю?!

Ему не дали досмотреть и выволокли из дворца. Солнечный свет и свежий воздух придали новых сил для борьбы, но безрезультатно. Какими бы крепкими мышцами не обладал Никита, тягаться с пятью профессионалами со связанными руками и ногами тщетно.

Сердце стучало в голове и в ушах. Он пошёл за Катей, чтобы не дать попасть ей в беду. А теперь что? Беда всё же случилась, и кто знает, что теперь сделают с ней эти горожане! Как он сможет жить, если её убьют! Никита даже думать об этом боялся.

За садом, прячась в тени густой зелени, показалось небольшое двухэтажное здание с маленькими тёмными окнами. Туда-то его и несли. Ум лихорадочно стал подбрасывать предположения о том, чем могли заниматься внутри, и, что ждало Никиту.

Душа заныла, предчувствуя большую опасность, когда Никиту затащили в мрачное помещение с пустыми стенами и множеством серых дверей. Охранники, нёсшие его, заспешили по коридору к лифту. По характеру движения, Никита понял, что лифт спускает их под землю.

Прохладный воздух охладил потное горячее лицо и тело. По коже побежали мурашки.

После спуска его потащили по множествам коридоров. С грохотом открывались и закрывались железные двери, звенели какие-то механизмы в замках, мелькали одна за другой холодным светом лампочки на шершавых низких потолках. И ни одного живого человека навстречу.

Путь закончился маленькой, пустой комнатой. Никиту швырнули на холодный бетонный пол и оставили, хлопнув дверью.

Под серым потолком гудела лампа.

Катю сюда не привели.

Беспокойство кольнуло в груди.

Где же она?

Спустя некоторое время дверь со стуком распахнулась.

— Вот он голубчик! — объявил крикливый голос.

Никита приподнял голову, чтобы видеть пришедшего.

В дверном проёме нарисовался низенький пухлый мужчина с лощёным лицом, полным презрения. Следом за ним вошёл Северный, пригнувшись, чтобы не удариться о дверной косяк.

— А где девушка? — спросил он и бросил на Никиту оценивающий взгляд.

— Она оказалась опасна, господин! К счастью вы её больше не увидите. Правитель пообещал отправить вам новую низшую, обученную и покладистую.

Повисло напряжённое молчание. Никита, вперившись взглядом в господина, увидел, как замерцали зловещим блеском тёмные глаза.

— А в чём дело? Что случилось? — Голос Северного обманчиво прозвучал спокойно.

— Пятерых охранников отправила в госпиталь! Эта низшая очень опасна! Она вам не подходит!

— Я сам буду решать, кто мне подходит, а кто нет! — рявкнул Северный. — Тебе ли, мелкому прислужнику, решать то, чего тебя вообще касаться не должно! Ты как вообще разговариваешь с высшими! Немедленно приведи её ко мне!

— О, простите меня господин, — занял прислужник, поклонившись. — Я ничем вам помочь не смогу, я всего лишь делаю свою работу. Если вы хотите её забрать, вам лучше поговорить с начальницей службы безопасности.

Северный посмотрел на прислужника так, словно желал лишь взглядом, как бетонной плитой, придавить этого неприятного типа, от которого разило страхом. По выражению лица горожанина легко читалось — он не привык к подобного рода отказам. Даже Никите стало не по себе — он не хотел бы оказаться в таком же жалком положении и чтобы на него так же смотрели.

— Веди тогда к своей начальнице! Но прежде развяжи его! Он мне нужен, — велел господин, кивая на Никиту.

Прислужник лихо расправился с путами, и Никита с радостью поднялся на ноги, чувствуя, как нормализуется кровоток в затёкших мышцах.

— За мной! — велел ему Северный.

Он, как и все горожане, не внушал доверия. Но выбирать не приходилось, и Никита повиновался. Самое главное — найти Катю, а там можно и сбежать.

Покинув здание, они долго шли по саду, пока не очутились перед сверкающей башней. Никиту ослепило от отражённого голубоватым стеклом солнечного света. Он опустил глаза и встретился взглядом с одним из охранников у входа. Тело инстинктивно напряглось, а охранник и не шелохнулся, стоя неподвижным истуканом.

Напряжение никуда не делось, даже когда Никита с прислужником и Северным миновал вход. Наоборот, оно возросло ещё больше, стоило лишь оказаться внутри башни.

Он никогда не страдал агорафобией, но отчего-то стало трудно дышать, а голова вжалась в плечи в просторном помещении с высоченными потолками и большим скоплением работников в черно-белой униформе. Оно и понятно! Всё в городе приходилось в новинку для выросшего среди деревянных домов и лесов человека.

Рука сама взметнулась к шее и потянула за ворот свитера. И как эти горожане обитают в такой духоте! Спину под одеждой защекотало от побежавших по ней крупных капель пота.

Прислужник завёл их в маленькую стеклянную кабинку, нажал на кнопку в стене, и двери закрылись. Если бы не прозрачные стены, за которыми всё понеслось вниз, Никита и не сразу догадался б, что это лифт, о котором он знал лишь из литературы.

Он тайно мечтал, чтобы вот так вот подняться на такое высокое здание в прозрачном лифте и увидеть вид сверху. Но всё оказалось не так, как в мечтах. Желудок болезненно сжался, и Никиту замутило. Он схватился за прохладную стену потной ладонью и прикрыл глаза, чтобы не видеть высоты.

Лифт домчал их на самый верх башни. Прислужник поклонился и поехал обратно вниз, а Никита с Северным зашли в просторный круглый кабинет. За большим полированным столом сидела седовласая женщина в очках. Она в задумчивости смотрела сквозь панорамное окно, что давало хороший обзор на сад внизу, город, и снежный пейзаж за пределами города. Услышав шаги, женщина отвлеклась и пристально посмотрела на вошедших.

— Господин Северный? — с лёгким удивлением спросила начальница службы безопасности, и уголок чётко очерченных губ дрогнул в кривой улыбке.

Никита присмотрелся получше к женщине. Седина в её волосах не вязалась с молодостью и стройностью.

— Я пришёл забрать низшую, которая была со мной, — объявил Северный.

— Боюсь, это невозможно.

— Я уже в курсе, что она сделала, но забрать и наказать её сам, я имею полное право!

Начальница службы безопасности с шумом вздохнула и вышла из-за стола. Никита едва удержался, чтобы не присвистнуть при виде спортивной фигуры в строгом брючном костюме. С

грацией кошки она подошла и встала напротив Северного, посмотрела на него в упор, сощулив глаза.

— Мне жаль, господин Северный, но вашу низшую мы вам вернуть не сможем. И вообще вы нарушили правила, взяв в услужение этих низших.

— Я могу выбирать любого, кого захочу!

— Вы — да, — подтвердила начальница службы безопасности. — Но не из тех, кто находится за пределами этого города. Там специальное экспериментальное поселение.

Она, красуясь, с горделивой осанкой отвернулась, прошла, обогнула стол, встала лицом к окну, за которым вдалеке в золотистой дымке виднелась полоска леса за белоснежным простором. Над едва различимыми с такого расстояния домиками у опушки клубился дымок.

— Низшие из того поселения живут в диких условиях и приобретают подчас выдающиеся способности. Екатерина Сильвестрова особо отличилась такими способностями и определённым составом крови. Правительство давно ждало индивида с такими особенностями.

Она повернулась сверкнув глазами.

— Если бы дело было решаемо только на местном уровне, возможно, мы бы с вами могли договориться. Но сам правитель заинтересован этой низшей. Поэтому, поищите себе другую служанку.

Никита скрипнул зубами и посмотрел на Северного. Тот держался спокойно и уверенно. Ему-то какое дело до Кати?

А и вправду! Какое дело Северному до Кати? Зачем она ему, что он так добивается её вернуть? Для них, горожан, просто низшая... Или нет?

На мгновение повисла пауза, а потом Северный молча развернулся и зашагал к лифту. Никита в растерянности поспешил за ним.

— Всего хорошего, господин Северный! — раздался голос позади.

Они вдвоём шагнули в лифт.

— Господин, вы сдались так легко, — вырвалось у Никиты, едва дверки сомкнулись. — Господин?

Северный глянул свысока. Никита в страхе отшатнулся, ударившись о стеклянную стену. Никогда за свою жизнь он не видел, чтобы у человека светились глаза!

Горожанин смотрел на него пугающими синими огнями, словно его радужки превратились в два уголька синего цвета.

Никита сразу вспомнил все молитвы, которые учил когда-то наизусть, и стал их мысленно произносить одну за другой.

— У тебя нет прав даже разговаривать со мной, низший, — процедил сквозь зубы Северный. — Ты ещё жив только благодаря своей подружке. Помалкивай и держись рядом со мной, если хочешь, чтобы всё хорошо закончилось для тебя.

— Плевать на меня! — воскликнул Никита. — Помогите Кате!

Горожанин вздохнул и закатил глаза.

— На что ты готов, ради неё?

— На всё! — без раздумий выпалил Никита.

Жуткие глаза сощурилась. Северный усмехнулся и молча похлопал Никиту по плечу.

Хотелось здесь и сейчас задать этому горожанину не один вопрос, но Никита только кивнул, решив, что пока не время для этого. Если Северный поможет вернуть Катю, то ему придётся быть пайной и делать всё, что попросит его этот странный тип.

Сквозь сон Катя слышала, как гремит посуда. Опять дедушка Кузьма пришёл побаловать её плюшками на завтрак.

— Дед, ты так рано, — промямлила Катя, завертевшись спросонок, и открыла глаза.

— Опять, — улынулась женщина в белом чепце. Бордовые, чётко очерченные, губы обнажили жемчужный ряд поблёскивающих зубов. Усмехаясь, незнакомка раскладывала какие-то приборы на железном подносе, и каждый гремел, словно стальные колёса поезда под названием «жизнь», что вся пронеслась у Катерины перед глазами.

Внутри похолодело при виде белого врачебного халата на женщине. А когда взгляд невольно прошёлся по строгому серебристому интерьеру, сердце застучало быстрее. Пространство вокруг занимали странные металлические аппараты разных форм и размеров. Катерина боялась даже представить, для чего они предназначались.

Она потянулась вверх, хотела приподняться, но тело, руки и ноги оказались связаны. Катя осмотрела себя и ахнула. До этого она приехала в город в стареньком шерстяном платье, потертой дублёнке, тёмных гамашах и в поношенных сапогах, но кто-то передел Катерину в бесформенную голубоватую сорочку, поверх которой темнели натянутые ремни, что не давали подняться.

По коже побежали мурашки.

Катя заглянула в лицо женщины, которая уже почти закончила раскладывать приборы.

— Что происходит? Почему я связана? — Голос задрожал.

— Буйная потому что. — Незнакомка прожгла электрическим взглядом Катю, отвернулась и зашагала прочь.

Внутри всё оборвалось.

— Погодите! Постойте! — закричала Катя взволнованно. — На меня первые напали! Я защищалась! Что вы собрались делать со мной?

— Ничего. Я всего лишь лаборантка, — ответила женщина и вышла за дверь.

— Нет! Подождите!

Лаборантка её не слышала или сделала вид, что не слышит.

Неумолимый животный ужас захватил сознание. Что эти проклятые горожане собрались с ней делать? Пытать? Мучить? За то, что она дала отпор охранникам?

Перед глазами ожили картины из жутких баек о горожанах, о том, что они делали с похищенными людьми по слухам.

А это... лаборатория... Катя читала о них в книжках. Неужели она сама теперь выступит объектом исследований или опытов!

Сердце сжалось.

Необходимо освободиться как можно скорее! Чутьё подсказывало, что немедленно надо бежать. Видать Катя сильно насолила, разобравшись с охранниками.

Она подёргалась в попытке раскачаться и ослабить путы, но ничего не вышло. Тот, кто связал Катю, постарался на совесть.

Через некоторое время дверь открылась и в помещение вошли несколько человек в белых одеждах. Они что-то весело обсуждали на немецком. Катерина знала, как звучит этот язык, так как староста и вся его семья общались на нём между собой. Сама она не понимала ни слова.

Мышцы напряглись.

Люди в белом обступили её со всех сторон. Один из них с белыми мохнатыми бровями взял какой-то прибор из тех, что разложила лаборантка на столе.

— Эй! Что происходит?! — вскрикнула Катерина.

В руках белобрового блеснул шприц и какой-то пузырёк. Запахло спиртом, к коже руки прикоснулись холодной мокрой ваткой и стали тереть.

Катя дёрнулась изо всех сил.

— Да что вы все молчите! Что вы собрались мне колоть?! Не смейте! Слышите! — закричала Катерина во весь голос и задёргалась так, что ремни затрещали.

Незнакомцы переглянулись, обменялись какими-то фразами опять на немецком. Белобровый отложил шприц и заглянул Кате в глаза. Она вопросительно уставилась на морщинистое лицо.

— Развяжите! — скомандовал мужчина остальным на чистом русском.

— Вы уверены, господин Гридманн? — спросил его кто-то из людей в белом.

— Абсолютно, — подтвердил господин Гридманн, распрямившись.

Кто-то что-то нажал на кушетке и ремни разом все раскрылись. Катя приподнялась на локтях и с недоверием обвела всех взглядом.

— Не волнуйся, Катенька, никто тебя здесь не обидит, — заверил господин Гридманн, опустив с лица марлевую маску. Он улыбнулся широким ртом, отчего морщины на его лице стали глубже.

— Что-то мне в это с трудом верится, — нахмурилась Катя, спрыгнув с кушетки. — И откуда вы знаете, как меня зовут?

— Мне рассказали. Всю информацию о тебе мне передали. Ты ведь за родителями сюда пожаловала, не так ли?

Катерина замерла.

Кто мог передать о ней информацию? Это значит, что кто-то следил за Катей всё время? И для чего? Она, ведь, просто девушка!

— Кто передал? Какую информацию? — забеспокоилась Катя.

— Так твои родители рассказали мне, — ответил господин Гридманн.

Сердце ухнуло.

— Мама и папа?! — Дыхание перехватило.

— Да, — кивнул белобровый. — Они живут в городе. Я сам разговаривал с ними. И брат твой... Все здесь. Ты увидишься с ними, как только выполнишь мои требования.

— Так просто?!

Ещё немного, и сердце грозило выпрыгнуть из груди от волнения. Столько лет Катерина жила мечтой о том, что она спасет маму, папу и брата, и вот этот день наступил. Неужели? Она не могла в это поверить. Так просто?

— Откуда мне знать, что вы говорите правду? — пытаясь выровнять взволнованный голос, спросила Катерина. — Докажите.

— Иван, отдай ей... — дёрнул он рукой по направлению к одному из коллег.

Высокий, худой сотрудник подошёл к Кате и протянул ей какую-то карточку. Она с опаской помедлила, но потом протянула ладонь и взяла предмет в руки.

Карточка оказалась фотографией. Мама, папа и брат улыбались, сидя на лавочке в саду, на фоне городских зданий. Мама сменила причёску, папа отпустил бороду, а Гоша возмужал и лишь улыбкой и глазами походил на себя прежнего.

Катерина задрожала от потрясения, отчего фотография в её руках затряслась.

Это была её семья! Жива, здорова! Катя задохнулась, попыталась что-то сказать, но слова не шли, на глазах выступили слёзы.

— Фотографию сделали неделю назад, — прозвучал голос господина Гридманна, как будто в отдалении. — Они живут и работают при одной уважаемой семье. Семья эта очень добрая.

Катерина смотрела на снимок не отрываясь. Её родители живы!

На какой-то миг она перестала соображать.

— Я хочу их увидеть! — пискнула Катя не своим от накативших эмоций голосом. — Как можно скорее!

— Конечно ты с ними увидишься, Катя, — с улыбкой пообещал господин Гридманн, — но при одном условии...

Она подняла удивлённый взгляд на мужчину, готовая его слушать.

— Вот и хорошо! — с воодушевлением воскликнул господин Гридманн. — От тебя нужно совсем немного, Катерина. Всего-навсего мы проведём кое-какие манипуляции с твоим телом — это не страшно и совсем не больно. Наша организация заинтересована в здоровье всех. Нас, людей, ведь, и так осталось очень мало на планете. Пока ты жила в своей деревне без нормальной медицины, без должных обследований, сама не знала, что у тебя серьёзная патология, и если мы тебя немедленно не вылечим, то ты умрёшь. Понимаешь, что тогда ты уже вряд ли увидишься со своей семьёй! А если и доживёшь до того момента, то омрачишь всех своей скорой кончиной. Ты ведь не хочешь, чтобы так было?

Катерина сдвинула брови и сжала зубы. Господин Гридманн говорил монотонно. Слова смешивались в один поток. Его зрачки подобно гвоздям вкручивались через глаза прямо в мозг. Катя почувствовала тяжесть от этого взгляда, но неведомая сила не давала отвести глаза.

— Пара манипуляций! Мы тебя вылечим, — продолжал он. — Клянусь, никакой боли ты не испытаешь и в скором времени увидишь свою семью.

Какой-то тоненький голосок завопил на краю сознания, но Катя не поняла, что он говорит. Её семья жива и здорова — это главное, и она наконец-то увидится с ними.

— Да, конечно, — согласилась Катерина, кивнув.

Она не до конца соображала, на что соглашается, но мысли о страшной болезни, о смерти и о встрече с семьёй затмевали собой всё.

— Это правильно! — просиял доктор. — Коллеги, слышали? Давайте начнём.

Все тут же столпились возле Кати. Она теперь не отняла руку от укола.

Подошла лаборантка, снова чему-то усмехнулась, закатила глаза и покачала головой. Кате не понравился этот жест — от него в душу закралось странное предчувствие.

— Теперь тебе нужно зайти вон в ту кабинку, милая, — улыбнулся господин Гридманн.

Причудливая стеклянная кабина стояла чуть поодаль. Снаружи у неё громоздились какие-то приборы, провода и датчики.

Катя помедлила, потом опять посмотрела на фотографию, вздохнула и зашла туда, куда ей велели. Створки сомкнулись. Господин Гридманн взял в руки планшет с бумагами и стал что-то записывать. Лаборантка подошла к консоли снаружи кабины и её пальцы забегали по кнопкам.

В глазах у Катерины зарябило. Воздух запах грозой. Тело закололо невидимыми иглами, но эти ощущения не причиняли боли, а скорее походили на лёгкую щекотку. Стало интересно, как этот аппарат работает, и, как воздействует на её организм, но Катя побоялась спросить. Она посмотрела на свои ладони, и на секунду показалось, что они светятся.

Наконец, всё прекратилось, и двери кабины распахнулись выпуская Катю наружу.

— Вот видишь! А ты боялась! — ободрил господин Гридманн.

Тело перестало дрожать. Внутри поселилась надежда.

Катя посмотрела на доктора, пытаясь уловить хоть один намёк на ложь, но господин Гридманн выглядел вполне убедительно, и это укоренило уверенность, что она не зря ему доверилась.

— А теперь я могу увидеть свою семью? — спросила она.

Доктор рассмеялся.

— Так пока нет! Одной процедуры не достаточно! Потребуется ещё несколько сеансов! Это ведь не так долго, по сравнению с тем, сколько ты уже ждёшь, правда?

Катя нахмурилась.

— Понимаю твоё нетерпение, но надо немножко подождать. Такое заболевание с одного раза не лечится.

— А что это за заболевание?

— Опасная опухоль. Весьма опасная. И после нашего лечения она должна уменьшиться либо исчезнуть.

Катерина задумалась.

— Ты, главное, не переживай, — продолжал господин Гридманн, — это всё пройдёт. А сейчас, ты наверное устала и проголодалась? Лерочка, отведи, пожалуйста, нашу гостью в жилой покой, распорядись чтобы накормили. Ах, да, и одели попрличнее.

Лерочкой оказалась та самая лаборантка. Она отвела Катерину через тёмный холодный коридор в, так называемый, жилой покой. На деле это оказалось тесное помещение без окон, со стенами, покрашенными в противный синий цвет. Небольшой столик уже был накрыт. Скромная трапеза, но Катя не привыкла к излишествах. Она и впрямь успела проголодаться и накинулась на еду, как только лаборантка оставила её одну. Ей ещё никогда не приходилось есть ничего подобного: тропические фрукты, зелень, паста с морепродуктами и какая-то запечённая птица. И всё это оказалось весьма приятно и вкусно. А кофе с молоком и сахаром поданный с клубничными пирожными прекрасно завершил партию вкусов.

Когда тарелки и чашки были опустошены, снова зашла лаборантка. На этот раз она тихонько ворчала себе под нос, что она лаборантка, а не санитарка. В руках Лерочка держала наряд на вешалке.

— Тебе велено это надеть, — пробурчала она и повесила вешалку на крючок в стене. — Но прежде помойся. Душ там. Надеюсь, сумеешь разобраться, как пользоваться кранами.

Катерина кивнула. Она читала про душ, и на деле пользоваться им оказалось делом нехитрым. Помывшись, она оделась в приготовленный спортивный костюм синего цвета. Ткань приятно прилегла к телу. Стало интересно, что это за ткань, но мысли переключились на более важные вопросы. А точно ли она встретится здесь со своей семьёй? Катя так легко поверила этим докторам... Но, ведь, у них фотография! И информация.

Она прилегла на односпальную кровать и погрузилась в размышления. Царящая тишина нарушалась лишь собственным мерным сопением. Катерина сама не заметила, как уснула.

На следующий день, или ни день (ведь нигде не было ни единого кусочка неба, чтобы определить время суток), Катю ждало всё то же самое. В помещениях, в которых ей приходилось находиться, всегда светили холодные лампы, а часы и окна отсутствовали. После скромного завтрака и быстрого душа её принялись водить по всяким процедурам, кабинкам и прочим аппаратам. Всё брали кровь, слюни, мочу. Всё что-то исследовали и исследовали, проверяли и проверяли. Потом заботливо кормили, одевали.

Катя мылась, одевалась, ела, пила и снова шла на процедуры. И она уже не могла определить, разные это дни или один бесконечный длинный день.

— Ну, как, доктор, у вас получается меня уже вылечить? — решила спросить Катя на четвёртый «день» манипуляций.

Господин Гридманн что-то всё писал и писал в своём планшете и не сразу обратил на Катю внимание.

— Господин Гридманн? — настойчиво окликнула Катя.

— А? — заморгал господин Гридманн.

— Я задала вам вопрос.

— А-а, — протянул доктор, улыбнувшись, и посмотрел на Катю с умилением, словно на несмышлёного ребёнка. — Конечно! Конечно!

Катя нахмурилась.

— Вы хоть вопрос мой слышали?

— Конечно!

Опять эта дурацкая улыбка!

— И как скоро я увижу родителей и брата?

— Скоро, моя хорошая, скоро.

— Господин Гридманн, вас к телефону, — раздалось у входа в лабораторию.

Доктор, всё ещё улыбаясь, подмигнул Кате и ушёл к выходу, оставив её в недоумении.

Сомнение вошло в сердце ржавой иглой. Но подумать над этим опять не дали. Катю снова отвели в комнату, накормили, и едва она поела, сон тяжёлой пеленой накрыл с головой.

Катерина проснулась с мыслью о том, что ей подмешивают в еду снотворное для того, чтобы она не бодрствовала, когда не на процедурах. Но зачем?!

— Господин Гридманн! — позвала она доктора, как только он появился в поле зрения.

Господин Гридманн внимательно изучал бумаги, которые ему подавал долговязый мужчина в плотном сероватом костюме. Доктор так дивился написанному в этих бумагах, что у него время от времени подпрыгивали на носу очки.

Он, как обычно, не сразу услышал голос Кати, но не потому, что был сильно увлечён или старался её проигнорировать, а из-за шума царящего в новом зале. Шумел аппарат, под которым лежала Катя, пристёгнутая ремнями к специальному креслу. Гигантский железный кулак «смотрел» сверху своим блестящим чёрным глазом-стёклышком и гудел так, что закладывало уши.

Доктор заметил Катю лишь тогда, когда та начала биться в кресле.

— Эй! Услышьте вы меня уже наконец! — кричала Катя. — Выключите эту штуку, иначе я оглохну здесь!

Господин Гридманн сделал знак лаборантке, и та нажала кнопку у стены.

Когда машина смолкла, доктор подошёл к креслу и посмотрел на Катю. Натянута улыбка на морщинистом лице начала раздражать.

— Доктор, можно попросить вас перестать так улыбаться, когда я к вам обращаюсь? — вылепила Катя. — Я хотела спросить вас, сколько уже дней вы меня лечите?

— Сегодня пятый день, — ответил господин Гридманн, погасив улыбку.

— И что? Есть улучшения?

— Определённо есть.

— Ну, так... Опухоль-то уменьшилась?

— Уменьшилась, но не до конца.

— Что «не до конца»? Господин Гридманн, расскажите конкретнее, не заставляйте тянуть из вас каждое слово! — рассердилась Катя. — Почему у меня такое чувство, что вы от меня что-то скрываете? Я хочу подробно всё знать! Что эти ваши машины делают с моим телом? Что за опухоль, где она находится? Я так волнуюсь... Я так хочу увидеть свою семью... А вы морочите мне голову! Я не могу уже больше ждать, сколько там ещё осталось, этих, ваших процедур?

Доктор понимающе закивал.

— У тебя, дорогая моя, запущенная форма, — начал он объяснять, помолчав немного. — Я думал, как раз хватит пять сеансов, но нет! Здесь понадобится ещё дней пять. Опухоль она... у тебя в голове. Если её до конца не убрать, то ты сначала сойдёшь с ума, а потом умрёшь.

— Видите ли, доктор, я просто в этом ничего не понимаю, но я так поскорее хочу увидеть своих родителей и брата, что...

— Понимаю, понимаю, — снова закивал господин Гридманн.

— И ещё вопрос! Почему я всё время сплю? — насупилась Катя.

— Это из-за лечения. Всё пройдёт, когда всё закончится. Не переживай, дорогая, скоро ты увидишься со своей семьёй.

Глава 5 Побег

Сон без сновидений прошёл. Катя вздохнула и поднялась с постели. Маленькая комната, противный синий цвет и тишина. Сколько дней оставалось здесь провести? Неужели она опять сбилась со счёту.

В животе неприятно заныло.

Взгляд скользнул по столу, который перед Катиным пробуждением всё время кто-то накрывал. Теперь там стоял только стеклянный графин с водой.

Что же это, про неё забыли? Где лаборантка, что всё время является, чтобы принести ей свежую одежду и отвести на процедуры?

Катерина потянулась, растёрла затёкшие мышцы ладонями, затем встала и неспешно прошла по кругу.

Слух невольно пытался уловить шаги за дверью. Но никто к ней не спешил. Наверное, Катя проснулась раньше намеченного времени.

А не позвать ли самой кого-нибудь? Едва она подумала про это, как взгляд уловил что-то белёсое в зеркале. Катерина удивилась и подошла поближе, чтобы рассмотреть.

Она ахнула!

Прежде прекрасные чёрные волосы теперь белели точно серебро!

Катя в испуге отшатнулась и тут же взяла себя за косу. В руку белой змеей легли её обновлённые волосы. В исступлении от охватившего ужаса, Катерина уставилась на косу, перебирая пальцами белоснежные пряди. Это что же... она теперь седая?!

Катя зажмурилась, а в голову полноводной рекой хлынули мысли.

У неё никогда ничего не болело, ни на что не жаловалась, и тут горожане утверждают, что у Кати смертельная болезнь. Такой недуг по-любому давал бы о себе знать! Что это за лечение, от которого седеют? Почему её никто не предупредил? Так и должно быть, или что-то пошло не так? Что, если её обманули? А если обманули, тогда для чего все эти процедуры на самом деле? И фото с семьёй ненастоящее, а каким-то образом подделанное! Зачем Катя этим горожанам на самом деле?

Рука с её волосами задрожала. Катя разжала пальцы. Дрожь объяла всё тело.

А, может быть, она ошибается, и побелевшие волосы это часть лечения?

Ну, да, конечно! С каких это пор горожане стали добрыми! Как так получилось, что Катя дала запудрить себе мозги? Всё из-за той фотографии, которую, между прочим, ей не дали взять с собой!

Желудок заурчал, перебив все мысли.

Катя приблизилась к столику и, налив воды в стакан, залпом осушила его.

Что-то где-то заскрежетало. Странный звук откуда-то сверху. Катя насторожилась и подняла взгляд. Решётка вентиляции в стене у потолка качалась потоками воздуха.

Почему она качается? Может, потому, что она плохо прикручена? А вдруг это выход? Шанс улизнуть по-тихому...

Катерина взяла стул, поставила его на стол, придвинула конструкцию к стене и забралась наверх к решётке. Сквозь щели труба, наполненная тьмой, выдыхала свежий воздух.

Куда могла вести вентиляция? Только на улицу? Или в недра крутящихся механизмов, что нагнетают воздух? Чтобы проверить, надо рискнуть забраться туда и проползти до конца. Воображение тут же нарисовало сцены с перемещением в тёмной и грязной трубе. Неизвестно сколько придётся ползти, и везде ли она такая широкая.

Катя вздохнула и прыгнула на пол, а потом осторожно убрала стул со стола. Для начала она попробует поговорить с доктором Гридманном. Проползти по этой трубе в неизвестность она ещё успеет.

Пока никто не пришёл, Катя прибрала себя в порядок, умылась, распустила белые волосы и расчесала.

Прошло ещё немного времени, прежде чем пришла лаборантка Лерочка и принесла серебристый комбинезон.

— Сейчас я скажу там, чтобы тебя покормили, — объявила она скрывшись за дверью.

Через какое-то время работник в скромном синем комбинезоне принёс еду. Обычно Катя не видела, кто ей накрывает на стол, но в этот раз она застала этот момент. Этот работник принадлежал к тем, кого горожане считали низшими. Об этом говорил его робкий и смиренный взгляд, потуплённый в пол. Катерина хотела поговорить с женщиной, но не решилась при лаборантке.

После завтрака Лерочка отвела Катю длинными серыми коридорами в зал с аппаратами. Уже привычные запахи хлора и спирта ощущались не так сильно.

Катерина вдохнула поглубже, наполняя лёгкие воздухом. Она волновалась. Сейчас явится господин Гридманн, и она должна будет с ним поговорить. Взгляд блуждал по залу не фокусируясь на деталях.

Но господин Гридманн не явился. Вместо него в ангар пришёл другой доктор: коренастый, смуглый мужчина средних лет.

— Где господин Гридманн? — опешила Катя.

— Его вызвало начальство по важному делу, — ответил новый доктор. — Сегодня я за него.

— А как вас зовут?

— Для тебя я господин Круглов.

— И что вы будете со мной сегодня делать, господин Круглов?

— Нарастивать потенциал, конечно! — улыбнулся доктор, надевая резиновые перчатки.

— Какой потенциал? — не поняла Катя.

— Твой потенциал.

Катерина нахмурила брови.

— Погодите, доктор, — замотала головой она, пытаясь собраться с мыслями. — Мне говорили, что опухоль должна уменьшаться. А вы говорите «нарастивать»...

— А-а, — протянул господин Круглов, словно что-то вспомнив, — опухоль! Ну, да! На финишной прямой, Катерина! Скоро увидите с вашей семьёй!

Катя продолжила хмуриться.

Что за ерунда! Сначала какой-то потенциал, теперь... Последние слова господина Круглова прозвучали настолько фальшиво, что даже доверчивый ребёнок засомневался бы.

— Я, вот, хотела расспросить господина Гридманна о некоторых вещах. Могу я тогда задать эти вопросы вам?

— Конечно, Катерина, задавай. — Он копался в ворохе бумаг на столе, периодически заглядывая в документы.

— Я бы хотела знать, что с моими волосами? Почему они побелели?

Доктор вздохнул.

— Такое лечение. У каждого есть побочные эффекты.

Господин Круглов сложил бумаги стопкой, постучав ею по столу, чтобы выровнять листы.

— Ступай в кабинку, — указал он.

Катя замешкалась.

— Расскажите мне о потенциале. Что вы имели в виду?

— Давай не будем затягивать с процедурой. У нас всё по времени. Закончим и поговорим. Идёт?

— Докажите мне, что вы меня, действительно, лечите, — произнесла Катя максимально серьёзно.

Господин Круглов выпучил круглые глаза.

— Могу показать тебе результаты обследований, но не имея медицинского образования, вряд ли ты что-то там поймёшь. — Голос доктора прозвучал ровно и уверенно.

— Не держите меня за дурачку. Если вы доходчиво объясните мне, я всё пойму.

— Что ж, попробуем! — с усмешкой согласился господин Круглов. — Лерочка, принеси, пожалуйста, чёрную папку!

— Подай, принеси,... — раздался ворчливый голос лаборантки из дальнего конца зала, а затем показалась его обладательница. — Нашли девочку на посылках! Вот, ваша папка!

Лерочка с недовольной гримасой на лице подошла, вручила папку в руки доктору и сразу направилась обратно. Господин Круглов не сделал ей ни одного замечания.

— И так, — начал он, раскрыв бумаги, — вот, это снимок твоего головного мозга. Здесь, вот, хорошо опухоль видно. Это в самом начале снимок был сделан. Вот дальше... Вот, последний снимок. Смотри, насколько уменьшилось образование! Видишь?

Он по-очереди подавал снимки Кате с комментариями. Выглядели они вполне убедительно.

Катерина растерялась. Раньше она интересовалась медицинской литературой от праздного любопытства и время от времени листала потрёпанные учебники и энциклопедии, в которых не хватало страниц. Снимки, что показывал господин Круглов, и иллюстрации из энциклопедий совпадали. Отсутствовала лишь гарантия того, что на снимках именно Катин мозг.

— Всё? Теперь поскорее заходи в кабину, — улыбнулся господин Круглов.

Катя с минуту колебалась, потом подчинилась требованию.

Сомнения так никуда и не ушли, но хотелось до конца разобраться, где правда, а где ложь. При том, что ставки высоки. Если горожане говорят правду, а она сбежит, то умрёт и не увидится с семьёй.

— Господин Круглов, вас там срочно вызывают, — объявила Лерочка из своего угла, когда Катя вышла из кабинки после окончания процедуры.

— Кто? — удивился доктор.

— Начальство. Не волнуйтесь, я отведу Катю в бокс.

Господин Круглов отложил бумаги, посмотрел на Катю, кивнул и ушёл из зала.

— Идём, — велела Лерочка, подойдя.

Катерина пошла вместе с ней.

У выхода лаборантка остановилась. Катя удивлённо подняла глаза и дрогнула наткнувшись на пронзительный, решительный взгляд. Накрашенный губы изогнулись. Они что-то говорили.

— Ты, что? Оглохла? Скорее беги в тот угол. Забирайся к балкам. Там прошмыгнешь в шахту и выберешься по ней наверх. Я тебе этого не говорила!

Так значит её опасения не напрасны! Отсюда нужно бежать! Но зачем эта Лерочка ей помогает?

Подумать не дала лаборантка, она стукнула Катю по плечу.

— Давай, девочка, ну!

Катя вздрогнула, но не столько от того, что Лерочка её ударила, а сколько от громкого звука шагов за дверью. Ноги сами понесли её в указанное лаборанткой место.

Когда дверь распахнулась, Катя уже пролезла вглубь между стеной и гигантской кабиной. Разглядеть, кто вошёл мешали другие аппараты, стоящие у входа. До ушей донёсся взволнованный голос Лерочки:

— Скорее! Она пытается бежать! Она ударила меня!

— Охрана! — закричал господин Круглов без промедлений.

Катерина вскарабкалась на стену, цепляясь за увесистый кабель, и смогла увидеть сверху, как в зал энергично вошли человек восемь крепких мужчин в белых врачебных костюмах. Меж ними с беспокойным лицом стоял доктор Круглов.

— Куда она побежала? — обратился он к Лерочке.

— Туда куда-то. — Лаборантка махнула рукой в сторону Кати.

Сердце ёкнуло. Так Лерочка на её сторона или нет?!

— Что встали? Слышали? Бегите, разыщите девчонку, пока она куда-нибудь не залезла!

— крикнул Круглов на охранников.

Мужчины тут же разгруппировались и бросились к Кате.

Она подтянулась ещё выше. В нос ударил химический запах технической смазки смешанный с пылью.

Вдруг чья-то рука схватила за ногу и потянула вниз.

Изо всех сил Катерина пнула свободной ногой не глядя по нападшему. Хватка тут же прекратилась. Раздался крик боли смешанный с ругательствами.

— Вы, что, кретины?! — закричал доктор. — Что вы возитесь, она сейчас заберётся не пойми куда! Скорее хватайте её!

— Там слишком узко, доктор, — ответил кто-то.

— Так отодвиньте этот чёртов агрегат! — не в себе кричал Круглов.

— Смеётесь, профессор! Он весит почти двадцать тонн!

— Да вы что, самому мне предлагаете её ловить?!

Тем временем Катя добралась до стальных балок на потолке. От высоты закружилась голова.

— Где вот она теперь! Да, что вы кружитесь, как бараны! Упустили? Упустили я вас спрашиваю?! Это, идиоты, правительственный заказ! Вы хоть соображаете! Головы полетят у всех!

Голос господина Круглова разносился эхом по всему огромному помещению. Сверху Катя увидела, что это не зал, а целый ангар невероятных размеров.

Она затаилась на одной из балок. Скользко, опасно и темно. Лампы горели лишь внизу, в то время, как высоченный потолок оставался во мраке.

Сердце бешено колотилось. Серебристый комбинезон и белые волосы могли в любой момент выдать Катю.

Внизу суетились охранники с доктором. Они тарасились по верхам, задрав головы, кружили по всему ангару.

Правительственный заказ... Что бы это значило? Катю зацепила эта фраза, относящаяся к ней. Это, получается, она — тот правительственный заказ! Но заказ на что? Чёртов правитель Владморий! Что он задумал? Катя с удовольствием оторвала бы ему голову. Останется без своего заказа этот упырь!

— Она не могла исчезнуть. Где-нибудь на балках прячется! — предположил один из охранников.

По телу пронеслась дрожь. Тревога всколыхнула сознание. Нельзя сидеть на одном месте, рано или поздно они её так найдут, а потом придумают, как поймать.

Катерина медленно поползла вперёд.

Только не смотреть вниз!

— Ну, что! Кто-нибудь видит, где она? — прокричал господин Круглов.

Сердце вот-вот готовилось выскочить из груди.

Лёгкое дуновение воздуха прохледило потное лицо. Впереди над балками громоздилась квадратная труба вентиляции. Поток ветра шёл из неё. Катя уже представила, как будет карабкаться внутри этой трубы, но вдруг снизу кто-то прокричал:

— Вон она! Вон! Я вижу! Смотрите! Меж тех балок!

— А-а-а! — раздался победный клич доктора. — Скорее растягивайте полотно под ней! Несите битнок! Сейчас мы её!..

Страх схватил электрическим разрядом прошёл по всему телу. Внизу, прямо под Катей, мужчины растянули какую-то тёмную ткань. Один из охранников прибежал к Круглову с предметом в руках, очень похожим на маленькую пушку.

Они, что, хотят её сбить с этой высоты?!

Катя вскочила на ноги и побежала вперёд по балке. Перспектива быть сбитой из неизвестного орудия оказалась куда страшнее простой боязни высоты.

— Стреляй, стреляй! Чего ты ждёшь! — закричал доктор.

Раздался резкий гулкий звук, словно ударили по бутылке с водой, а затем металлическая конструкция под ногами содрогнулась с характерным стуком, словно по ней попали мячом.

Катя чуть не оступилась, но пригнулась и продолжила движение вперёд.

— Мазила! Дай мне! — зарычал господин Круглов.

— Стреляйте скорее, Антон Иванович, иначе дальше ребята уже не поймают её полотном! Там стоит аппарат! — сказал кто-то.

Снова прозвучал гулкий выстрел, и в ту же секунду Катя почувствовала, как в колено врезалось что-то мягкое, как тесто. Нога запнулась. Катерина потеряла равновесие и с криком полетела вниз, но в последний миг схватилась руками за край балки.

— Ах, лиса! — злобно заворчал Антон Иванович.

— Перезаряжайте скорее! — велел кто-то.

Катя изо всех сил сопротивлялась падению. Потные ладони скользили по металлу. Напуганной кошкой она цеплялась за балку. От адреналина боль в ноге едва ощущалась. Дыхание сбилось. Глаза искали за что зацепиться рукам, но видели лишь гладкую металлическую поверхность.

— Ах! Заела, собака! — слышалось возмущение господина Круглова снизу, у которого не получалось перезарядить орудие.

Катерина собралась с духом и постаралась подтянуться. И к её удивлению получилось! Катя не ожидала узнать, что она такая сильная. Через пару движений обе ноги снова оказались на балке.

Не тратя время, она нырнула в тень за массивную бетонную колонну.

— Чёрт! Я её не вижу! — раздалось снизу. — Куда она подевалась?

— Кажется, вон туда! — закричал кто-то.

— Ну, что вы её видите? — спросил Антон Иванович.

— Не видать!

— Смотрите лучше, парни! Откуда ей бежать некуда! Испариться она не могла!

Сердце гнало кровь с бешеной силой.

Что же делать? Она отрезана! К трубе хода нет, её сразу увидят.

Катя принялась выглядывать и высматривать путь отступления. И он нашёлся совсем близко. Прямо в колонне, к которой она прижималась, оказалась маленькая дверца. Руки тут же потянулись к ней. Торк! Закрыто. На петлях висел замок.

С досады Катерина схватилась за замок и дёрнула. Хлипкий металл лопнул, и замок остался у неё в руке. Дверца открылась, явив узкую шахту с лестницей, уходящей вверх. Катя нырнула во тьму, прикрыв за собой обратно неприметную дверь.

Глава 6 Сверхъестественное

Звуки голосов снизу постепенно угасли. Наверху маячил слабый свет. Подняться оставалось совсем чуть-чуть.

Главное, чтобы на выходе из шахты никто не поджидал.

Катя на одном дыхании преодолела путь до крышки люка, через дырочки в которой пробивались дневные лучи. Повеяло свежим воздухом, смешанным с запахами дыма и ароматами выпечки.

Сердце радостно подпрыгнуло.

Неужто ли она выбралась!

Катя тихонько толкнула крышку и заглянула сначала одним глазком. Взгляду открылся кусочек ржавых стен и полов, на которые падал маленький солнечный зайчик. До ушей донеслись далёкие крики птиц сквозь монотонный гул чего-то техногенного. Где-то лаяла собака.

Вроде, всё безопасно.

Она открыла крышку люка до конца.

Никого. Только пустое, глубокое, грязное помещение. Наверху, на самом потолке, отверстие с решёткой дразнило свободой, ласковым солнцем и клочком голубого неба.

Неужели это тупик!

Катерина со вниманием осмотрелась.

Высокие стены покрывала ржавчина, видимо, от того, что сюда не раз попадала дождевая вода. На полу лежал слой из мусора и грязи, за которыми едва различалась труба для выхода той воды.

Катя повернулась, и взгляд наткнулся на огромную железную дверь со здоровенным вентилям посередине.

Она кинулась крутить вентиль. Уж до решётки в потолке точно не достать!

Вентиль с трудом поддался, кое-как прокручиваясь со скрежетом ржавого металла. Пыхтя и наваливаясь на него всем телом, Катерина крутила против часовой стрелки причудливый запор. Ещё и ещё, и вдруг «бамс»! Лязг металла, и вентиль остался у Кати в руках отдельно от двери...

Она в растерянности посмотрела на обломок, потом на дверь. Видимо, тут всё окончательно проржавело. Вентиль обратно уже не приделать, и дверь не открыть.

Катя отбросила железяку и со вздохом опустилась на грязный пол. Она взялась за голову и уставилась прямо перед собой.

Путь назад отрезан. Если спуститься обратно в шахту, там непременно схватят.

Звуки, свет и запахи сверху дразнили и манили.

В голову пришла идея покричать — кто-нибудь наверху и услышит?.. Но что тогда? Горожане зададутся вопросом, что низшая делает в подземелье... А вдруг там наверху её тоже ищут и ждут, когда она появится. А ещё этот дурацкий комбинезон на ней... Катя никого не видела, чтобы кто-то так одевался в этом городе. Все взгляды будут прикованы к девушке в необычной одежде и с белыми, как чистый лист, волосами. И тогда её опять заберут в подземные лаборатории. Уж лучше она умрёт от голода, чем вернется обратно на место подопытной!

Взгляд замер на кусочке неба в решетке.

Эх, мама, папа!.. Где же вы? И Гоша...

Время шло. Солнечный луч сначала перемещался по полу, а потом угас. Стало заметно темнее.

В животе заурчало, но больше всего хотелось пить.

Нога, в которую ударили из орудия, начала ныть. Катя приподняла штанину и увидела обширный красный след на икре. Будет синяк.

Надо выбираться отсюда, как можно скорее.

Катерина вскочила со своего места и попробовала забежать на стену, чтобы добраться до решётки. Да, куда уж там! Слишком высоко...

Она ещё раз подошла к массивной двери и постаралась приладить вентиль. Тщетно. Тогда Катя попыталась толкнуть дверь, навалившись всем телом. Ничего и с места не сдвинулось. Бесполезно. Такую массивную глыбу взрывом-то не пробьёшь, где уж ей, тщедушной...

Чувство страха и обречённости вползло в душу едким туманом. Что теперь с ней будет? Не может же так всё глупо кончиться! Она только попала в этот город! Ещё даже понять ничего не успела, и вот!..

Катя уже не сидела сложа руки. Она не находила себе места, и перемещалась по помещению туда сюда, пиная мусор, и, не обращая внимания на боль в ноге. Что же делать? Как выбраться?

Наверху день превратился в вечер. В проклятой яме стало темнее. Ржавые стены сделались чёрными. По коже поползли мурашки от надвинувшейся прохлады.

Нет, это не конец! Она не сгинет в этом подземелье! Возможно, её кто-нибудь найдёт... Её же ведь ищут...

Её и вправду ищут! И если она останется здесь, её рано или поздно найдут и вернут в лаборатории!

Катя бессильно застонала. Горечь разлилась в груди. Горячие слёзы потекли от обиды, страха и боли.

Она постаралась вспомнить лицо матери, тепло и нежность её рук, её любовь. Потом Катя попыталась вспомнить отца. Как весело было играть вместе с ним. Папа всегда придумывал что-нибудь интересное: то снеговика слепит, то шалаш смастерит, то ещё что-нибудь.

Родителей украли на седьмом году жизни Кати, остальное время она жила без них каждый день чувствуя боль от потери. И хотя дед Кузьма сильно старался опекать Катю, ему не удавалось заменить маму и папу. В душе кровоточила рана, и не желала затягиваться. А тут фотография... Фотомонтаж. Сколько чувств Катя испытала, когда спустя столько лет увидела свою семью, пусть и изображённую на бумаге. Сколько надежды... и вот... всё оказалось ложью мерзких горожан.

А дедушка Кузьма... Как он там? Прошла его болезнь? Кто о нём заботится? Совесть и тревога грызли душу за то, что пришлось оставить его в таком состоянии.

Вдруг раздался лёгкий щелчок откуда-то сбоку. Катерина вздрогнула и в испуге глянула в сторону источника звука. Раздался ещё один щелчок. От двери. Массивной. Ржавой.

Ужас холодной водой окатил с головой.

Они нашли! Они её нашли!

Катя вскочила на ноги. Она им так просто не сдастся. Она будет драться не на жизнь, а на смерть!

Механизм в двери продолжал поворачиваться с железным скрипом.

Катя обняла себя руками. Она вжалась в противоположную стену. С каждым звуком от двери её сердце грозило вот-вот остановиться.

А механизм всё вращался и вращался. Кто-то поворачивал его с противоположной стороны.

Дыхание участилось. Пульс застучал где-то в голове.

Наконец, замок перестал греметь. Дверь толкнули, и она отворилась, впуская поток холодного воздуха с запахом сырости.

Из темноты кто-то вышел. Кто-то высокий, в капюшоне и чёрной накидке с заострёнными полями, точно крылья летучей мыши.

Катя в страхе замерла, приглядываясь.

Незнакомец откинул капюшон. Сгустившийся сумрак мешал разглядеть его лицо, но общие очертания показались знакомыми, особенно причёска с торчащими прядями, похожими на кончики перьев ворона.

Северный?!

Смятение завладело чувствами. Не получалось сразу определить радоваться сейчас или паниковать. На чьей стороне этот горожанин? Он пришёл спасти или вернуть её обратно в лаборатории?

Северный шагнул ближе, и Катя тут же отпрыгнула в сторону.

— Спокойно! Это я, — вполголоса сообщил он.

— Я вижу, — ответила Катерина.

— И? Чего убегаешь?

— Может, вы хотите вернуть меня обратно тем врачам?

Северный вздохнул и покачал головой.

— Нет. Я не с ними.

Внутри немного отлегло. Забрёзжил луч надежды.

— Вы пришли, чтобы вытащить меня отсюда?

— Да. Именно этим я сейчас и занимаюсь.

Так хотелось в это верить. Хоть кому-нибудь верить в этом проклятом месте. А другого выбора она и не видела в сложившейся ситуации.

— Но почему? Вы же сказали, что...

— Т-с-с! Потом, — шикнул он, не дав договорить.

Катя кивнула. Она будет максимально послушной, только пусть Северный заберёт её отсюда!

— Сними с себя эту ерунду и надень вот это, — велел Северный, вручая девушке стопку с одеждой.

Катя взяла тёмный свёрток. В полумраке вся одежда казалась чёрного цвета. Дай Бог, что это что-нибудь простое, с чем не придётся копаться, думая, как правильно надеть.

Северный демонстративно отвернулся, предоставив Кате возможность спокойно переодеться.

Она молча приступила к делу, и потянулась рукой к молнии, но не тут-то было. Замок заело, как Катя не старалась дёргать за бегунок. Ситуацию ухудшало то, что молния располагалась на спине, и это мешало разобраться и узнать, почему бегунок не поддавался.

Катерина вздохнула и покосилась в спину Северного. Похоже придётся его попросить помочь.

— Молнию заело, — произнесла она.

Северный повернулся и жестом руки показал Кате встать спиной.

Катерина напряглась в ожидании, что сейчас до неё дотронутся чужие руки. Она ненавидела прикосновения. Как-то раз Никита схватил Катю за локоть в шутку и пытался поцеловать. Другая на её месте, возможно, оценила бы это. Но не Катя. Она видела, как Никита обращался со скотиной, когда ухаживал за ней, как чесал собак и лошадей, гладил их. Теми же грубыми и сильными движениями рук он обращался и с людьми. Никакой нежности, никакой деликатности. И не он один таким являлся. В посёлке считали дурным тоном, если мужчина воспитан, утончён и деликатен, так как такими качествами могли обладать лишь городские. Только Катерина с этим не соглашалась. Женщина — это не лошадь или собака, а человек. Любой человек заслуживал хорошего к себе отношения. Но её взгляды никто не разделял, однако Катя так просто не собиралась с этим мириться, и Никите тогда она чуть не вывернула палец.

Спустя время в подсознании отложилась установка, что все мужчины — неотёсанные грубияны, и от них надо держаться подальше. И сейчас Катерина по привычке ожидала, что

тяжёлые молотки вот-вот пройдутся по спине и вырвут чёртову молнию с корнем. Но вопреки ожиданиям лёгкие пальцы легли на позвоночник, нащупали бегунок и одним движением расстегнули молнию.

— Волосы спрячь под капюшон, — велел Северный и снова отвернулся.

Оторопевшая Катя ожила, быстрым движением стянула с себя лабораторный наряд и оделась в новый: тёмные брюки, кроссовки и удлиненное худи с просторным капюшоном. Ткань приятно прилегла к телу. Стиль одежды повторял наряд самого Северного облегающими рукавами и асимметрично удлиненным подолом с заострёнными уголками. Странно. Но Катерина не стала задавать лишних вопросов. Она натянула капюшон на голову, но непослушные волосы всё равно выпадали вперёд серебряными прядями.

— Завяжи их, — сказал Северный, повернувшись, и, глянув на Катю.

— Нечем, — развела она руками.

— В кармане заколка.

И вправду. Катя достала из кармана худи металлическую заколку и сразу же воспользовалась ею, после чего волосы уже не торчали из-под капюшона.

— За мной. — Он зашагал к двери. — Не отставай, иди рядом.

Катерина поравнялась с Северным и пошла за ним в узкий неосвещённый коридор за дверью. Подземная тьма застелила собой всё пространство. Без единого источника света Катя не видела ровным счётом ничего. Оставалось гадать, как Северный идёт так уверенно, ни на что не натываясь.

Она не смогла пройти и десяти метров, как споткнулась обо что-то и полетела вперёд. К счастью Северный остановил её падение, вовремя поймав.

Катерина застыла, осознавая, что горожанин находится непозволительно близко, да ещё и держит её за локти. Чужой запах парфюма с нотами вишнёвого дыма и вечернего воздуха затмил сознание и выбил из колеи.

Голова закружилась. От смущения кровь прилила к щекам, они запылали, и как хорошо, что темнота скрывала это.

— Ой, я ничего не вижу, — проговорила Катя полусёпотом.

Она ожидала, что Северный сейчас возмутится её неуклюжестью, ещё раз напомним, кто тут низший, а кто высший, и что-нибудь ещё в таком духе. Во тьме ни то, что выражения его лица не получалось разобрать, даже силуэта разглядеть не удавалось. Катя лишь догадывалась, что он, наверное, недоволен и смотрит свысока. Звук его ровного дыхания ни о чём не говорил, но повисшая пауза, казалось, не к добру.

— Зато я всё вижу. Держись за меня, — прозвучал приятный тихий голос.

Чужая рука взяла её ладонь горячими пальцами и положила на локоть горожанина.

— Надо двигаться в темноте и очень тихо. Если ты, конечно, не хочешь, чтобы нас обнаружили.

По коже побежал мороз.

— В такой темноте невозможно что-то видеть, — замотала головой Катерина. Ей хотелось отдернуть руку, но тогда снова будет трудно идти, не упав.

Северный молча повёл Катю дальше. Коктейль из смущения, удивления и страха рвал разум на части. Щёки всё ещё предательски горели. Казалось немыслимым идти под ручку с горожанином. И в принципе с чужаком.

Да, она спасла его. Да, он отблагодарил её, взяв в город. И со слов самого Северного, на этом его благодарность заканчивалась. Почему же он сейчас спасает Катю?

Пытаясь ответить самой себе на этот вопрос, Катя углубилась в размышления, но вопросов в голове стало ещё больше.

Не взирая на подземную прохладу и сырость, тело вспотело. Ладонь, лежащая на сгибе локтя горожанина, стала мокрой, и мягкая гладкая ткань под ней намокла.

— Долго ли ещё идти? — в нетерпении прошептала Катерина.

— Т-ш-ш, — зашипел Северный.

Катя сжала зубы. Эта дурацкая ситуация начала надоедать. Хотелось поскорее выбраться на свет, так как не только глаза, но и психика устала от непроглядной черноты. Стало чудиться, что тьма вокруг материальна и чёрным дымом окутала со всех сторон. Померещилось, что кто-то шевелится во мраке. Внутри росла тревога от того, что враги могли вот-вот выскочить и перегородить путь.

Впереди раздался резкий стук. Катя вздрогнула, и непроизвольно вцепилась в локоть Северного пальцами.

— Что это? — пискнула она.

Сердце участило удары.

В этом узком коридоре врагам ничего не стоит схватить Северного и её.

— Крыса, — ответил, наконец, Северный. — Идём дальше.

— Откуда вы знаете, что это крыса? Не видно же ничего!

— Я уже понял, что тебе ничего не видно.

Катя стиснула зубы до скрипа. Напряжение немного отпустило, сердце потихоньку начало успокаиваться, но осознание того, что Северный, действительно, видит в такой кромешной тьме, принялось терзать воображение и подкидывать новые вопросы, на которые никак нельзя ответить. Как этот человек мог видеть без света? Такого даже нельзя представить. И тем не менее, Северный ведь как-то ориентировался, вёл её и знал, что впереди крыса, а не кто-нибудь ещё.

Новый звук долетел до ушей, едва уловимый, похожий на плеск воды.

Северный остановился, затормозив Катю.

— Что такое? — забеспокоилась она.

— Впереди кто-то есть, — ответил он, прошептав Кате на ухо.

— Может, это снова крыса?

— Нет. Сюда направляется вооружённый отряд.

По коже побежал холодок. Катя на миг замерла, не веря услышанным словам.

— Откуда вы знаете?! Вам видно?

— Слышно. Скорее! Нужно спрятаться!

На последнем слове крепкая ладонь схватила Катю за руку и потянула за собой.

Они протиснулись в какой-то узкий проход меж холодных шершавых стен.

Отблеск луча холодного света скользнул по стенам.

Ледяные щупальца страха захлестнули сердце. Даже дышать стало страшно, лишь бы только не издать какой-нибудь звук, по которому её и Северного сейчас же найдут.

Господи! Только бы враги их не обнаружили!

Свет перемещался по стенам. Кто-то ходил там. Выискивал.

Катя встретила глазами с Северным, который посмотрел на неё из-под надетого капюшона. Его спокойный взгляд не имел в себе и тени страха. Тёмные глаза блестели, наполненные жизнью и интересом.

Кате хотелось спросить, что он будет делать, если их сейчас обнаружат? Как они смогут вдвоём дать отпор вооружённому отряду? Она-то и смогла бы ввязаться в драку, но до первой пули.

Северный перевёл взгляд и стал следить за движением света на шершавых бетонных стенах. На алебастровом лице затанцевали блики от лужи под ногами. Грунтовая вода сочилась из стен.

— Капитан, я что-то нашёл! — раздался резкий громкий голос на всё подземелье.

Каждое слово отозвалось эхом внутри. Катя вздрогнула так, что аж подпрыгнула. Северный схватил её за локоть, поднёс палец к губам и одним лишь взглядом приказывал не издавать ни звука. Катя застыла ни живая, ни мёртвая.

— Что это? — прозвучал другой голос. — Молодец, солдат! Ищем парни, ищем! Она где-то тут!

Солдат?! Это, что же! Её ищет армия?!

Катя запаниковала ещё сильнее, о чём тут же свидетельствовало её учащенное дыхание.

— Ч-щ-щ, — раздалось едва слышимое шипение Северного над ухом. — Мне не хочется пачкать руки.

Катерина нервно сглотнула. Ей не послышалось: он не думает, как одолеть вооружённых военных в одиночку безоружным и выжить при этом, а боится лишь запачкать руки! Может, Северный психически не здоров?

Лучи света в закутке, где они стояли, стали ярче.

— Тут, кажется, следы! — закричал голос совсем близко.

Северный переместился вперёд в ту же секунду, спрятав Катерину за свою спину.

Внутри у неё всё оборвалось.

Это конец.

Сейчас они пристрелят Северного, а её заберут обратно в лаборатории, и Катя уже больше никогда не увидит дневного света.

Северный, словно услышав её мысли, обернулся. Коварная улыбка заиграла на его лице, а прежде тёмные глаза зажглись синим светом.

Катя в ужасе отшатнулась.

Так ей не показалось тогда! Глаза у этого горожанина и вправду светились! Как такое возможно?

В проходе нарисовался шустрый человек с фонариком, но не успел он что-либо понять и произнести, как Северный бросился на него. Катя прежде не видела такой скорости у людей, она едва разобрала его движения. Северный мгновенно прикончил врага, и тот бесшумно сполз по стене бездыханным, оставляя на бетоне кровавую дорожку.

— Побудь пока тут, — велел Северный и скрылся из виду за стеной.

Катерина круглыми глазами уставилась на труп. Она не боялась ни мертвецов, ни вида крови. Её пугала сила Северного. У него ведь в руках отсутствовало оружие... Тогда, как он расправился с этим солдатом? И при чём с такой скоростью...

Воздух подземелья сотрясли множество криков и выстрелов. Блики заметались по стенам.

Катя вне себя от страха вжалась в стену, зажмурилась и закрыла уши руками. Но это не помогло. Она видела сквозь веки вспышки света и сквозь ладони слышала стрельбу и крики. На миг показалось, что всё кончено и солдаты стоят перед ней. Катя даже открыла глаза, чтобы убедиться в том, что её пока не спохватились.

Звуки смолкли. Все разом. Свет перестал метаться по стенам. Катерина посмотрела в сторону выхода из своего укрытия. Труп солдата всё также лежал на полу, прислонившись к стене. Катя осторожно перешагнула через него и выплянула наружу. Взгляду предстала жуткая картина.

Помещение представляло из себя какой-то склад, пространство вокруг заполняли железные контейнеры. На полу, растянувшись в разных позах, лежали поверженные тела. Фонари продолжали гореть, разбросанные то тут, то там. В их свете Катя увидела прохаживающегося Северного, который что-то искал на полу меж трупов. Заметив Катерину, он выпрямился. Одежда на нём сидела всё также отменно: на мантии ни капельки крови, ни пылинки, ни затяжки, будто бы этот человек не положил только что целый отряд в одиночку.

— Как?.. — вырвалось у потрясённой Катерины.

Северный осторожно подошёл. Его глаза больше не светились. Катя застыла, глядя в эти глаза, ожидая ответа.

Он первым отвёл взгляд и принялся опять что-то искать на полу.

— Столько людей погибло из-за меня, — дрожащим голосом произнесла Катерина, не дождавшись ответа на свой вопрос. — А ведь у них, наверное, есть семьи: жёны, дети, родители...

— Людей я бы не стал убивать, — оборвал её Северный. — Нас и так мало на планете.

— А это кто? Не люди?

— Нет, — ответил он. — Искусственные копии.

— Клоны?

— Не совсем. — Северный, наконец, что-то нашёл, наклонился и поднял какую-то вещь. — У нас уже давно не используют человеческий ресурс в армии.

— А вы тоже не человек?!

Северный выпрямился, посмотрел на Катю и, не отрывая взгляда, подошёл к ней.

— Я научу тебя отличать. — Он больше не шептал, позволяя магии своего голоса действовать. — Дай сюда свою руку.

Он бесцеремонно взял Катину ладонь и положил себе на грудь.

— Чувствуешь?

— Что я должна чувствовать? — растерянно заморгала Катя и отвела взгляд в сторону.

Для смущения уже не осталось ресурсов после перенесённого ужаса, но разум возмутился тем, что Северный себе такое позволяет.

— Сердцебиение. У копий нет такой функции. — Он выпустил её ладонь. — Я такой же человек, как и ты.

— Человек не может такое... И у людей не светятся глаза! — возразила Катя. — И при том, у вас, ведь, не было времени определить у них наличие сердцебиения... Так как вы поняли?

— Светящиеся глаза — побочный эффект, как твои белые волосы. А удары сердца я слышу за несколько метров.

— Вы тоже жертва научных экспериментов в лаборатории?..

— Нет.

— Тогда что?

— Ничего, — отрезал Северный. — Надо уходить отсюда, пока не нагрянула подмога к этим...

Он повёл её опять во тьму.

— Может, возьмём фонарик! — предложила Катя, пытаясь ухватить один на ходу.

— Никакого света, — возразил Северный и подтолкнул Катю в спину, не дав ухватиться за фонарик.

Катя лишь нервно сглотнула. Опять придётся мучиться от темноты и цепляться за горожанина, чтобы не упасть.

Источники света остались позади. Непроглядная чернота обступила со всех сторон.

Глава 7 Происхождение

Северный вывел Катю из подземелий, минуя множество ходов и лестниц. Они попали на поверхность через маленькое кирпичное строение, которое снаружи выглядело, как хозяйственная постройка.

Несмотря на тусклый свет ночи, Катерина заморгала, посмотрев на звёзды. Глаза устали от тьмы. В сердце пришла маленькая радость от того, что снова можно видеть.

Глубокий вдох наполнил лёгкие свежим воздухом. Голова слегка закружилась.

Катя осмотрелась. Кругом росли деревья.

— Это лес? — вырвался у неё вопрос.

— Городской парк, — ответил Северный.

Уставшие от напряжения, мышцы дёрнулись. Что, если их сейчас здесь схватят?!

Вопреки опасениям, парк оказался пуст. Царила глубокая безлунная ночь, пели цикады, лёгкий ветерок перебирал листву деревьев.

Катя поплелась за Северным по тропинке. Нога, в которую её ударили, чтобы сбить с балки, заломила.

— Надо как можно быстрее покинуть это место, — скомандовал Северный.

— У меня не получается идти быстрее, — пожаловалась Катерина.

Северный обернулся и окинул её удивлённым взглядом.

— Что такое?

— Кажется, адреналин развеялся, и теперь болит, что должно болеть. — Голос Кати прозвучал вяло.

— Знаешь про адреналин? Интересно... — усмехнулся Северный. — И что же у тебя болит?

— В меня стреляли из какого-то орудия и попали в ногу.

Северный застыл, раздумывая секунду, другую, и, сверля Катерину взглядом.

— У нас совсем нет времени. Сейчас сюда нагрянут.

Она никак не ожидала в ту же секунду оказаться на руках у горожанина. Он поднял Катю, точно куклу, и понёс. Смущение обдало жаром лицо, которое сейчас же захотелось спрятать, но Катя лишь сжала челюсти и отвернулась. В иной ситуации она бы принялась возмущаться и вырываться, но не в этот раз. Северный прав, нужно поскорее убраться отсюда, иначе их опять настигнут, и, кто знает, удастся ли выкрутиться.

Выход из парка оказался недалеко. Они вышли на открытую площадку, где стояли нейромобили. Северный поднёс Катю к одному из них, усадил внутрь, после чего сам сел за руль.

— Вы сами будете управлять этой штукой? — удивилась она.

— На этот раз да. Это специальная модель: без роботов, без навигации. Если кто-то захочет отследить перемещение — не сможет этого сделать, — коротко пояснил он.

Синие глаза опять вспыхнули. Северный прикоснулся к приборной панели пальцами, и она зажглась, окрасив салон голубоватым и оранжевым свечением. Сколько разных кнопочек, указателей и индикаторов зажглось. Не хотелось видеть жуткие светящиеся глаза, но тем не менее Катя с интересом наблюдала за Северным, чтобы видеть, как именно он будет управлять этим транспортом. Когда горожанин положил руки на руль, тут-то она и увидела на его мизинце серебряное кольцо с гербом. И герб показался до боли знакомым, только никак не получалось вспомнить откуда именно она знала это изображение льва и человека, что держали вместе книгу.

— Откуда у вас это кольцо? — не выдержала и спросила Катя.

Северный бросил на неё настороженный взгляд.

— Герб моей семьи, — коротко пояснил он и плавно повёл нейромобиль по дороге.

Катя нахмурилась. Ну, уж нет, семью Северного она точно никогда не знала. Откуда же она помнила это изображение?

Катерина отвернулась к своему окну. По телу побежал озноб. Она устала от напряжения, устала от стресса, устала думать и бояться. Взгляд приклеился к проносящимся видам. Ночью город поражал не меньшей красотой. Здания имели подсветку. Горели вывески, реклама, фонари. Это ж сколько электричества!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.